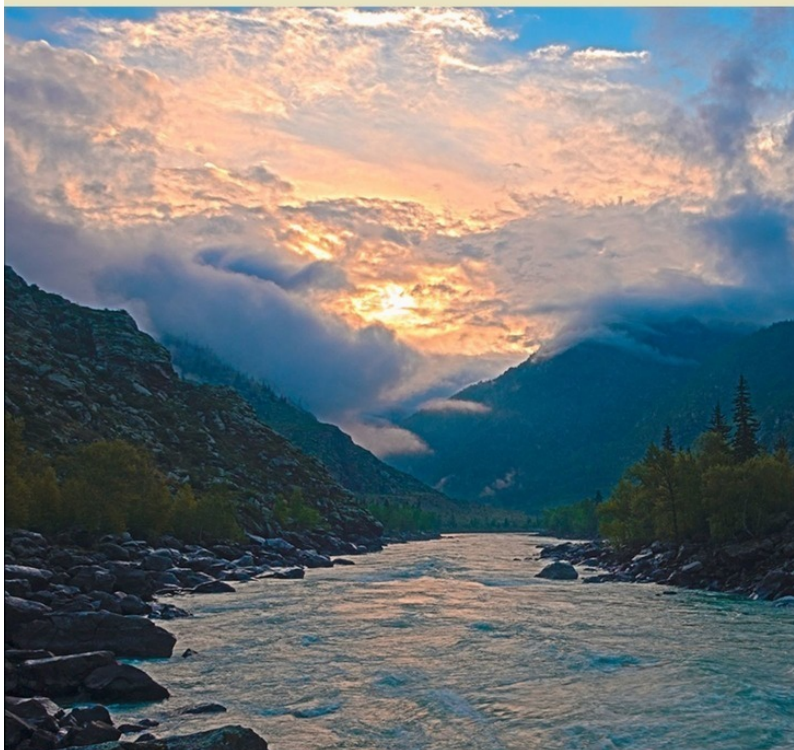

Нина Иващинникова
О чем молчат бирюзовые реки

Книга вторая

Нина Ивашишникова
О чем молчат
бирюзовые реки. Книга вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38569696

ISBN 9785449353467

Аннотация

Это вторая книга после «Золотое озеро детства» о девочке Нинке, о её непростой жизни, о сибирском характере, любви к великому слову ЖИЗНЬ и о прекрасном и дивном Алтайском крае.

Содержание

Всё сначала	5
Зерносовхоз	12
Знакомство	19
Школа	27
Новые друзья	36
Баня	43
Новенький	49
Водитель автобуса	54
Гриша	60
Лыжники – булыжники	68
Спортивный лагерь	73
Гимнаст	84
Соревнования	93
Конец ознакомительного фрагмента.	103

**О чем молчат
бирюзовые реки
Книга вторая**

Нина Ивашинникова

© Нина Ивашинникова, 2018

ISBN 978-5-4493-5346-7 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-5347-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всё сначала

Весь день мы ехали в трясущемся грузовике по ледяной дороге, ведущей в город. Вещи и мебель в кузове подпрыгивали на каждой снежной кочке, и мама то и дело охала:

– Ох, не довезём мы нашу несчастную мебель до места, развалится вся, бедняжка. А ведь с таким трудом её покупали. И правду люди говорят – три раза переехать как один раз сгореть. Мы уж второй раз, получается, горим...

Водитель всё время курил, открывая скрипучее машинное стекло, и холодная струя врывалась в тёплую кабину.

– А чего, Лариса, в город-то потянуло? – интересовался дядя Гена, седовласый шофер лет пятидесяти. – Только прижились, дети учились, сама почтальоном бегала, все уж в посёлке тебя знали.

– Олежка настаивал, я и согласилась, – говорила мама. – Ему ведь учиться надо поступать, как-никак восьмой класс уже, а училище только в городе есть. Спортом хочет заняться и Нинку в секцию отдать. Мы уж в Бийске были с ним, домик выбрали. Вот, деньги везём.

– Понятно. Значит, решили. Город, с одной стороны, это хорошо, – размышлял дядя Гена, поправляя съехавшую на бок цигейковую шапку, – возможностей больше. А с другой стороны, ничего хорошего. Преступников много, все вокруг незнакомые люди, на улицу вечером страшно выйти,

того гляди украдут что-нибудь, или, чего доброго, прибьют. У нас-то каждую собаку знаешь, ведь так?

– Так, – кивала мама. – Я за свою жизнь, Гена, столько боялась, что теперь мне ничего уж не страшно.

– Тебе сколько лет-то? – поинтересовался шофер.

– Тридцать семь исполнилось. А что?

– Просто спрашиваю. Молодая ещё, чтоб так рассуждать, – водитель достал из пачки очередную папиросу и снова закурил. – А то, что тяжело вам одним, это я согласен. Может, в городе замуж выйдешь.

– Нет, Гена, незачем мне снова замуж, – вздохнула мама, – устала я от замужества, спокойно пожить хочу. Дети растут; вон, Олежка, за мужчину у нас теперь.

– Это точно. Сколько ему, говоришь?

– Шестнадцать уж нынче будет.

С этими словами мы подпрыгнули с такой силой, что ударились головой о крышу кабины.

– Гена! Так мы целые до города не доедем! Ты смотри на дорогу-то, не дрова, чай, везёшь!

Водитель смущённо засмеялся.

– Извини, Лариса, дорогу перемело, ям не видать совсем. А муж-то бывший писал хоть? – продолжил он.

– Писал до развода, всё приехать просил, да посылки ждал... А куда я поеду? Да и послать ему нечего – сами полуголодные. Пенсию раздам – старушки кто пирогами, кто вареньем угостят. Так и живём. А ехать я к нему не хочу. Да

и детей одних не оставить. Нет, что было – прошло. Хватит нас мучить. Привёз, бросил, а теперь снова начинать? – мама помолчала немного. – Ладно, Гена, давай лучше о хорошем поговорим.

Мы с Олегом молча смотрели в замёрзшее, покрытое инеем стекло, изредка прикладывая губы и выдыхая изо рта тёплый пар. Появлялся оттаявший маленький кружочек, в который мы разглядывали мелькающие картинки. Так ехали мы до самого вечера, слушая разговоры мамы с водителем. Вдруг впереди показалось множество ярких огней; как маленькие звёздочки рассыпались они повсюду. Я не могла поверить глазам.

– Мамочка! Смотрите! Это город! – воскликнула я. – Мы приехали!

Грузовик въехал на освещённую яркими фонарями улицу, и через несколько минут с рёвом помчался по бетонному мосту через замёрзшую Бию.

– Мама, это наша река Бия? – спросила я. – Интересно, мы жили у её начала, а переехали и снова около неё жить будем.

Спустя некоторое время машина остановилась у обозначенного адреса.

– Спасибо, Геночка, – ласково благодарила его мама. – Сейчас вещи выгрузим в дом, а какие не войдут, то в сарай занесём. У тебя есть, где переночевать-то?

– Конечно. Я к тётушке поеду на Краснооктябрьскую, у неё останусь до завтра, а утром обратно рвану.

– Ну Слава Богу, приехали, а то я все места отсидела, – сказала мама, поправляя сзади фуфайку.

Мы вышли из машины, подошли в темноте к забору – и замерли: на том месте, где стоял наш дом, оказалось огромное земляное пятно. Дома не было.

– Мам, а это тот адрес? – в недоумении спросил Олег. – Мы ничего не перепутали?

– Вроде тот. Дайте я в себя приду, – мама подошла к забору и тихо сползла по изгороди на снег.

Я смотрела на это зрелище и не понимала того, что происходит. Дядя Гена закурил и пошёл вдоль забора.

– Ребята, тут и правда ничего нет. Вас что, обманули?

– Не успели, Гена. Хозяева задаток просили, я не дала, сказала, что, как приедем, сразу купим. Получается, что дом снесли, а люди уехали... Что же нам теперь делать-то?

Мама закрыла краем шали глаза и громко заплакала.

Олег с водителем пошли к дальним освещённым домам, я же молча смотрела на незнакомое чужое место.

– Мам, может, хорошо, что дом снесли? – пыталась успокоить я и села на снег рядом с ней. – У тётушки переночуем и завтра домой вернёмся. Там наш домик целёхонький стоит, ещё не остыл. Вот он обрадуется, что мы вернулись!

Но мама не отвечала. Она, обхватив руками виски, молча смотрела на снег. Через несколько минут вернулись брат с дядей Геной.

– Мы выяснили! Здесь дома сносят по очереди, много-

этажки строить будут! Целый микрорайон вырастет – Зелёный Клин, – водитель закурил и глубоко затянулся. – Я вот что подумал: сейчас все вместе к моей тётке поедём, у неё остановитесь на время, пока себе жильё подберёте. Она добрая у меня, обязательно поможет.

Спустя время мы очутились у двухэтажного многоквартирного бревенчатого барака, стоящего на самой окраине улицы, вышли из машины и зашли в дом. Дверь отворила худощавая сутулая старушка в переднике и платке, с папиросой в руках, с добрым сморщенным лицом и весёлой улыбкой.

– Вот, тётка Вася, принимай гостей! – воскликнул дядя Геня, подталкивая за плечи маму. – Тяжёлая ситуация сложилась у них, жить негде. Ты уж не сердись шибко, они сами не ожидали такого поворота.

– А чего мне сердиться? Пущай живут, сколько нужно, всем места хватит.

– Тётка Вася? – переспросила я. – Зачем её так называли?

– Потому что она Василиса, правильно? – ответила мама, обращаясь к старушке.

– Правильно, детка, Василиса я – когда-то Прекрасная была. А если по правде, то Васеня, – засмеялась она и сжала сухими пальцами края папиросы.

Утром взрослые все вещи из машины выгрузили во двор, закрыв их старыми белыми простынями.

– Ничего, от мороза не испортятся, – рассуждал дядя Ге-

на. – Уж дом купите, тогда и перевезёте. Тёте Васении адрес только не забудьте оставить. Буду в Бийске – обязательно заеду! Ладно, ребята, ехать мне пора, и так затемно в Иогач вернусь. Ну, бывайте, Лариса Васильевна!

Он слегка обнял маму за плечи.

– Спасибо тебе, Гена, – ответила она тихо, от волнения перебирая пальцами края шали.

Водитель громко хлопнул дверью грузовика, закурил, завёл двигатель и уехал.

– Ты, Ларисонька, не переживай так, – успокаивала тётя Васения, слушая мамины рассказы про жизнь. – Тяжко тебе одной с ними. Понимаю. Но всё образуется. Я вас не гоню, хоть всю зиму живите. Дров у меня много, печь топится, тем более детям твоим нравится здесь.

– Спасибо, – отвечала мама. – Всю-то зиму никак нельзя, мебель на улице пропадёт. Боюсь, разворуют. Кто ведь думал, что так выйдет? У нас всю жизнь сложности какие-то. Ладно, будем по объявлениям искать дом, завтра и начнём.

Каждое утро мама с братом куда-то уезжали, возвращались поздно вечером, садились за стол, раскрывали листок и карандашом зачёркивали выделенные строчки. Я же целыми днями бегала и играла во дворе, знакомясь с соседскими девчонками. Спустя неделю Олег объявил:

– Тётя Вася, спасибо вам за гостеприимство! Мы с мамой нашли дом. Правда, не в самом городе, в Зерносовхозе, но дом хороший, его точно не снесут. Завтра закажем маши-

ну и переедем туда.

– Ну что ж, – ответила старушка, – в Зерносовхозе хорошо, только от реки далековато, и ветра там сильные. Бедные вы мои, я уже к вам так привыкла, как к родным. В гости-то будете приезжать?

– Конечно, тётя Васеня. Вот устроимся – сразу и приедем, – ответила мама и задумалась.

Я смотрела на её лицо – уставшее и печальное. Казалось, за эти дни она окончательно потеряла все силы...

На утро наши вещи снова загрузили в машину, мама обняла тётю Васю, мы залезли в кабину и поехали на новое место. Я оглянулась. Вдалеке исчезала сутулая фигура старушки, которая стояла посреди дороги и махала нам вслед маленькой костлявой ладонью...

Зерносовхоз

Дом, в который мы приехали, сразу показался чужим и холодным, хотя с виду имел приличный вид: высокий, со светлой верандой, двумя комнатами и кухней.

– Представляете, здесь все печки углём топят, как у нас в Иогаче в кочегарке. – удивлялась мама.

– Ничего нового: так же газету кладут, щепки, дрова, а сверху уголь, – сказал Олег и принялся растапливать печь, но ничего у него не получалось. Пришлось звать на помощь дядю Витю, дом которого стоял крыльцо к крыльцу с нашим. Тот с умным видом растопил печь и добавил:

– Уголь надо сверху забрасывать, когда уже всё разгорится, понятно? Но ни в коем случае не закрывайте выюжку, иначе насмерть угорите!

– О, господи! – причитала мама. – Может, тогда без угля?

– Нет, без угля вы разоритесь, дровами одними дорого топить. Углём обязательно. Я вам первое время помогу. Мы ведь с вами на одном участке живём.

Прошла неделя нашего проживания в доме, и мама однажды тревожно сказала:

– Олечка, Нина, я думала, что эта эпопея с переездом закончится, но, видимо, это ещё не всё. Нужно деньги за дом отдавать, а я не пойму, почему на нашем участке два дома.

У хозяина спрашиваю, а он и ответить не может... Не получится ли, что мы купим дом, а нас из него выгонят?

– Не знаю, мам, – ответил брат. – Странно всё это. Сначала продавцы говорили, что во втором доме никто не живёт, а теперь оказалось, что ещё как живёт! Я тут в сельскохозяйственный техникум заходил, думал, может, туда поступать стану, и мне сказали, что от него общежитие есть, совсем рядом. Давай туда ходим, посмотрим? Вдруг нас пожить пустят?

Мама с Олегом пошли на разведку в техникум, вернулись довольные и с улыбкой на лице.

– Всё, переезжаем в общежитие, нам сразу две комнаты дают! Я вахтёром устроюсь, и как-нибудь до лета перекантуемся, а там видно будет.

Ура! Наконец мы живём на первом этаже благоустроенного кирпичного дома, как когда-то в далёком и забытом Мурманске. Пусть это и не наш дом, а всего лишь две комнаты общежития, зато тёплые, с большими окнами и огромной кухней, на которой готовили сразу несколько хозяек, шумно переговариваясь и обсуждая последние новости. В одной комнате жили мы с мамой, а в другой, большой и светлой, жил Олег, довольный отдельным жилищем. Над его кроватью по привычке водрузилась деревянная полка с сувенирами, а стена до потолка украсилась яркими открытками знакомых нам артистов. Мама устроилась вахтёром, и каждый раз, проходя мимо вахты, я видела её, красивую моло-

дую полную женщину в тёплом оранжевом свитере и голубой польской безрукавке. Она то разговаривала с жильцами, то что-то записывала в журнал, а то просто дремала, сидя за столом, скрестив руки и опустив на них красивые вьющиеся волосы. Это было так непривычно!

Там же я пришла в четвёртый класс местной совхозной школы. Ребята охотно приняли меня, появились новые подруги, среди них светловолосая девочка с косой до пояса по фамилии Леопольд. Я едва сдерживала смех, когда учительница вызывала её к доске:

– Леопольд Лера напишет на доске решение задачи!

Я, прибегая к её дому, громко кричала:

– Лерка! Выходи!

А про себя добавляла любимую знакомую фразу из мультфильма про кота Леопольда и двух мышей: «Леопольд! Выходи! Подлый трус!»

Ребята тоже смеялись над моей фамилией, особенно когда учитель нам обеим делал замечание:

– Моськина и Леопольд, хватит болтать!

Тут закатывался весь класс, а вместе с ними и мы с Леркой.

Однажды брат сказал мне:

– Всё, Нинка, ты уже взрослая, надо начинать спортом заниматься, иначе от безделья растолстеешь. Хочу отвести тебя в лыжную секцию. Я тоже на лыжи встану, вместе будем

по полям бегать. Там такая длинная лыжня есть, километров пять, наверное, мы сегодня всем классом по ней ходили.

– Олег, а как же гимнастика? – пробовала возразить я.

– Ты когда-нибудь гимнасток видела? Они же худющие как щепки, а тебе с твоей попой лыжами надо заниматься. Это тебе только на пользу пойдёт, тем более лыжная база рядом.

С того времени мы вдвоём с братом бегали по заснеженным бийским полям на лыжах круг за кругом, вдыхая морозный алтайский воздух. Ну и ветра здесь! Ледяные струи обжигали лицо, олимпийка к концу дистанции покрывалась инеем от вспотевшей горячей спины; мы останавливались, отряхивали снег с рейтуз, снимали лыжи и весело шли домой.

Тогда же я впервые встала на коньки. Перед нашими окнами замерзла огромная лужа. Я долго смотрела на неё, и однажды, натянув чёрные хоккейные коньки брата, на полусогнутых ногах подошла к её краю. «Сейчас оттолкнусь, и покачусь на одной ноге, как Ирина Роднина», – подумала я и, расставив руки, как крылья у птицы, покатила вперёд... Через полметра, зацепившись носком конька за замёрзшую кочку, с грохотом свалилась коленями на лёд. «Да, тяжёлый труд у фигуристов, – размышляла я, сидя на ледяной поверхности лужи и потирая разбитое колено. – Буду конькобежкой!» Я встала и, расставив ноги в разные стороны, мелкими шажочками начала переступать по льду. Так изо дня в день я поко-

ряла эту лужу, радуясь ежедневным успехам. Через неделю я катилась, осторожно отталкиваясь и ликуя от радости. Я конькобежка!

Олег приучал меня к режиму, в девять часов выключал свет и уходил в свою комнату. Однажды, когда брат в очередной раз пожелал мне спокойной ночи и вышел из комнаты, я придумала необычный план: под одеяло напихала кучу одежды, а сама залезла под стол. «Вот мама испугается, когда ляжет в кровать! Подумает, что я рядом сплю, а я как зашуршу газетой!» Не успела я залезть под стол, как дверь открылась, и я увидела снизу ноги брата. Он подошёл вплотную, включил светильник и сел на табуретку. Я в ужасе смотрела перед собой на его колени. «Хоть бы он поскорее вышел!» – судорожно думала я – и икнула... В следующий момент Олег наклонился под стол...

– Ты чего здесь делаешь? – воскликнул он, глядя то на меня, то на огромный комок под одеялом. – Быстро в постель! Клоун!

– Я маму хотела напугать, и икнула нечаянно... – еле слышно пролепетала я и с головой залезла под одеяло. Спокойной ночи, Олег...

– Ещё раз соберёшься маму пугать – под столом спать будешь! Поняла?

– Поняла. Я больше так никогда не буду делать, – пробубнила я.

А про себя подумала: «Тебя бы так напугать в следующий раз, чтобы всю оставшуюся жизнь заикался...»

Снова наступила солнечная алтайская весна восемьдесят второго года. Солнце светило в наши окна, с высокой крыши со звоном падали капли от тающих сосулек; я отворила широкие ставни и села на подоконник, свесив ноги. Впервые мне захотелось закричать: «Весна, здравствуй! Я тебе очень радуюсь!» Я быстро взяла блокнот, ручку и записала первое своё стихотворение:

*Весна, весна! Ручьи бегут раздольем,
Зиме пришёл конец!
Вот скоро чайка пролетит над морем,
Пастух пригонит стадо молодых овец.
А дети бегают по грязным лужам,
Пускают корабли туда-сюда.
Как хорошо, что не забыла
Прийти к нам тёплая хозяйшика весна!*

Мы жили, работали, учились, занимались спортом, мы радовались! Подходила к концу учёба, впереди были долгожданные летние каникулы. И очередной переезд.

– Ну что, Нинка, мы уезжаем из общежития, – сказал за завтраком Олег, аккуратно намазывая масло на хлеб. – Место красивое, у реки, рядом лес. Нам с мамой очень понравилось.

– Да, Олег, – размышляла мама, – надеюсь, что это послед-

ний переезд в моей жизни. И огород есть, и банька, и домик из лиственницы. Маленький, правда, зато крепкий. В баньке летом кровать можно поставить и ночевать, пока тепло.

– Вот Олег пусть и спит в баньке, – сказала я. – А я с тобой спать буду, в доме.

– Хорошо, Ниночка, в доме. Ну что, тогда собираемся?

Это был седьмой, и самый желанный переезд за мою совсем ещё недолгую жизнь.

Знакомство

В начале лета мы переехали в маленький бревенчатый домик на улицу Мало-Угрёнёвская, расположенную на самом высоком берегу Бии. Улица тянулась так далеко, что пройти от начала до её конца было непростой задачей, поэтому жители то и дело катались на велосипедах и телегах, запряжённых лошадьми. Выйдя на обрывистый берег, можно было увидеть живописную картину: широкая, степенная, спокойная река текла и была совсем не похожа на ту Бию, которую я привыкла видеть, живя в Горном Алтае. Вдалеке, на противоположном берегу, раскинулось красивое село Мало-Угрёнёво, окружённое со всех сторон зелёной полоской леса. Вдоль реки почти посередине лентой тянулся брусчатый откос, разделяя водную гладь на две части. По нашей стороне сплавляли спиленный лес. Выше по течению огромный участок занимал специальный загон, огороженный высокими бетонными сваями, издаലെка напоминающими башни. Было видно, как кто-то открывал путь для брёвен, и те, тяжело разворачиваясь и слегка покачиваясь, плыли в сторону города.

– Ух ты! – воскликнул Олег, глядя свысока на эту картину. – Брёвна сами к нам плывут! Вот где можно дрова на зиму заготовливать!

И действительно, как только огромный поток древеси-

ны проплывал мимо домов, мужики с длинными жердями тут же начинали цеплять её и подгонять к берегу. Затем, вытащив сырое дерево на берег, ловкими движениями откатывали его в сторону. Через несколько часов на берегу появлялись несколько кучек из брёвен, сложенных друг на друга. Спиленные стволы сосны плыли так тесно, что некоторые местные мальчишки умудрялись бегать по ним, перепрыгивая с одного качающегося дерева на другое. Через несколько часов река снова становилась свободной, и только многочисленные куски коры и щепок напоминали о недавнем сплаве.

– А это что над водой торчит? – показывая пальцем на выглядывающую из воды макушку ствола, спросил брат местного мужика, курившего около своего «улова».

– Это топляки, сынок, – ответил тот. – Всё, как в жизни: сильные плывут от лесозаготовки до комбината, слабые тонут. Тут таких много, какое бревно полностью под воду ушло, какое торчит.

– Понятно. А почему на машинах их не возят? Это и быстрее, и брёвна сухими остаются.

– Дешевле, наверное, – ответил мужик, и, сняв фуражку, рукавом протёр взмокшую лысину. – А вы, ребята, откуда будете? Я вас впервые вижу здесь. Гости что ли?

– Нет, не гости, – сказал Олег, покусывая сухую тростинку. – Мы приезжие. С Телецкого озера. Слышали про такое?

– А чего ж не слышать? Знаю. Лес ведь с тех краёв сплавляют. Меня, кстати, дядя Лёва звать, а вас как?

– Я Олег, а это моя сестра Нинка. Мы недавно сюда приехали. Вообще-то мы с Севера.

– С Севера? Ух ты! – удивился дядя Лёва, – а родители где же?

– У нас мамка одна. Отца нет, – ответил брат, – она почтальоном тут работает.

– А я-то думаю, что за красивая женщина нам письма приносит. Понятно. Значит, мамка ваша.

Мы попрощались, и, поднявшись на высокий песчаный берег, пошли в сторону дома.

Дома располагались с двух сторон коротких переулков, ведущих от шоссейной дороги к реке. За дорогой начинались бескрайние совхозные поля, засаженные облепихой и черно-плодной рябиной. Сразу за полями виднелся сосновый лес, который лентой тянулся до самого горизонта. Сколько места здесь было для игр!

– Мамочка, тут так интересно! – восторженно сказала я за обедом. – Как здорово, что мы здесь очутились!

– Да, Нина, мне самой нравится, – улыбнулась мама. – Люди приветливые, добрые. Я уже со многими познакомилась, пока пенсию по домам разносила.

Мы поселились в маленьком домике из сухой лиственницы, со всех сторон засыпанном завалинкой. Состоял он из небольшой светлой комнатки и кухоньки. Под окном раскинула свои ветви старая черёмуха, под которой на узкой скамье я нашла себе подходящее место для игр. Посередине

комнаты стояла настоящая русская печь, белёная известью, с тёплой верхней лежанкой. Наша полуразвалившаяся мебель заняла оставшееся место, для брата кровать поставить было негде, и её пришлось перенести в тёмный сырой предбанник. Вместо неё около окошка разложили раскладушку и ненужные вещи в чемоданах запихали под неё.

Домик стоял посередине участка, огороженный высоким, слегка покосившимся дощатым забором с воротами, которые закрывались на кованый крючок и бревно, катающееся по ржавым скобам. Сквозь щели забора просвечивался переулочек и соседние дома. Внутри ветхого сарая спрятался старый колодец, представляющий собой бетонное круглое сооружение с бревном посередине и намотанным на него тросом, к концу которого было привязано погнутое от тяжёлой работы ведро.

Я подошла к колодцу и осторожно покрутила ручку. Ведро стало медленно опускаться в сырую колодезную яму, слегка раскачиваясь и поскрипывая. Я со страхом посмотрела вниз. На самом дне переливался зеркальный круг, в котором блестело моё тёмное отражение. Закрыв за собой дверь, я быстро вышла.

– Ну как, Нинка, набрала воды? – спросил брат.

– Да ты что? Я ж вместе с ведром туда провалюсь!

– Пошли, я покажу тебе, как надо воду набирать, – с умным видом предложил Олег.

Он отпустил ручку, и ведро со стремительной скоростью

полетело вниз. Через мгновение оно с силой ударилось о воду и полностью погрузилось. Брат ловкими движениями стал накручивать трос и через минуту вытащил полное ведро, затем перелил воду в другое, эмалированное ведро и закрыл колодец тяжёлой ржавой крышкой.

– Вот так, Нинка, учись. Воды много надо: и в дом, и в баню, и в бочку для полива. Сама набирать будешь.

Поодаль от колодца стояла маленькая старая банька с верандой и сырым предбанником, обитыми изнутри крашеной в болотный цвет фанерой. Внутри было темно и холодно, повсюду пахло затхлостью и плесенью.

– Олег, может, с нами жить будешь? – предложила мама.

– Нет, пока лето, в бане поживу. В доме даже стены свободной нет для моей полки, все углы заставлены.

Я была рада, что Олег переехал от нас хотя бы на лето.

Ранним июльским утром меня разбудил брат:

– Нинка, вставай быстрее. Там лес сплавляют, пошли дрова заготавливать.

Я открыла один глаз.

– Олег, давай попозже, я сон досмотрю...

– В следующий момент холодная вода из ковша залилась мне в ухо.

– Ещё добавить? – спросил брат, поднося следующую порцию.

Я соскочила с кровати и быстро оделась. Сон досмотреть

так и не удалось.

Всё утро мы вытаскивали брёвна на песчаный берег, заходя по колено в холодную воду.

– Ну всё, пусть просохнут, через недельку будем с тобой их перетаскивать и пилить.

Без сил, еле передвигая ноги, я плелась за братом домой. «Это тебе не общежитие, – думала я. – Здесь работать надо. Жалко, что папки нет. Он бы точно нам помог дрова таскать».

После обеда я вышла во двор. За забором слышались ребячьи голоса и весёлый девичий смех. Я подошла к воротам и сквозь широкую щель увидела двух мальчишек и девочку лет десяти в ярком сарафане и с гладко зачесанными волосами, собранными в длинную русую косу. Долго с любопытством наблюдала за их игрой, пока, наконец, она не заметила меня и спросила:

– Как тебя зовут?

– Нина Моськина, – ответила я и забралась на самый верх забора.

– А я Лена Филиппова. Пойдёшь с нами за дорогу? Мы через канавы прыгать будем!

– Ага, сейчас у Олега отпрошусь!

Вскоре мы перебежали дорогу к черноплодному полю и начали с разбега прыгать через широкий длинный ров.

– Вот здорово! – орала я, перелетая через него.

– Посторонись, я бегу! – кричала Ленка, разгоняясь и от-

талкиваясьсь крепкими ногами с такой силой, что сарафан раздувало, а коса подлетала к самой макушке.

Через полчаса вместе с нами прыгали местные мальчишки: Лёшка, Сашка и Андрейка.

Весь день мы бегали, смеялись, рассказывали всякие небылицы и поздно вечером разошлись по домам.

Ленка жила в соседнем доме с бабушкой Панной, мамой Шурой и младшим братом Сережкой, конопатым белобрысым мальчишкой лет восьми. Как только я подходила к забору и звала Ленку на улицу, с визгом из будки вылетала огромная лохматая собака и, оскалив зубы, лаяла с такой силой, что моего голоса уже не было слышно. Выходила подружка, и мы снова шли играть.

– Нинка, давай сегодня по веникам бегать?

Мы неслись по бескрайним вениковым полям, теряясь в высоких лохматых зарослях, прятались, падая на ломкие стебли, поднимались и снова бежали до самого леса. После таких игр ноги были исполосованы от листьев и прутьев, мы валились на траву и, срывая подорожник, плевали на зелёный лист и прикладывали его к ранам.

Вечером Олег сказал мне:

– Нинка, завтра мы с тобой перетаскаем брёвна в ограду, а после пилить начнём. Потом я наколю их, а ты складывать в поленницу будешь.

Настроение от такого плана упало, и я скривилась в унылой гримасе. Но делать нечего, дрова сами домой не придут,

как в сказке «По щучьему велению», и несколько дней лета мы на полусогнутых ногах носили по брёвнышку к сараю, где росла наша дровяная куча. Потом, взявшись за деревянные ручки пилы, распиливали дрова, от чего руки к вечеру дрожали и висели словно плети. Но как только я слышала голос Ленки, тут же выскакивала из дома и сломя голову бежала за новыми приключениями. А приключений нас ждало великое множество.

Школа

Заканчивалось тёплое лето с речкой и мошкаррой, с зелёной травой и созревшими на полях колосьями. Наступила школьная пора. Из обновок у меня появились серые туфли, колготки и пионерский галстук, которому я радовалась больше всего.

– Нина, в магазин должны хлеб привезти, сбегай за буханкой серого, в доме кроме сухарей ничего не осталось, – попросила как-то мама перед обедом.

Я взяла авоську и вприпрыжку понеслась в местный магазинчик. Добежав до дороги, я остановилась в изумлении: по обочине весело вышагивала интересного вида тётенька – кругленькая, как колобок, в цветастом платье и розовым бантиком на макушке. «Интересно, – подумала я, – зачем взрослая женщина повязала на голову детский бант?» Судя по сумке, шла она тоже в магазин. Я с любопытством наблюдала, как она набрала целую сумку продуктов, затем сняла этикетку с бумажного стаканчика мороженого и, с удовольствием облизывая его, вышла из магазина.

– Мне буханку серого, пожалуйста, – сказала я продавцу, провожая взглядом интересную тётю.

Первого сентября я вошла в пятый «Б» класс, вместе с другими учениками заняв свободные места, поставила портфель рядом с партой, достала тетрадь с ручкой, сложила

руки одну на другую и стала внимательно осматривать ребят. Неожиданно в класс вошла та самая незнакомка, с круглыми розовыми щеками и бантиком на макушке, но уже в школьной форме и с портфелем в руках. Она подошла ко мне и весело спросила:

– У тебя свободно? Можно я с тобой сяду?

– Можно... – пролепетала я, округлив глаза от удивления.

– Я Таня Блинова. А ты?

– Нина Моськина, – тихо ответила я. – Тебе сколько лет?

– Одиннадцать, – засмеялась Таня. – А что, думаешь, меньше?

– Нет, не меньше... двенадцать, думаю...

С того момента Танька стала моей самой закадычной подругой.

Наша школа состояла из трёх этажей со светлыми широкими коридорами и просторными классами. У дверей учительской висело расписание уроков, около которого постоянно толпились школьники.

– Где двадцать первый кабинет? – кричал кто-то из ребят.

– А что, трудов сегодня не будет? – слышалось из толпы.

– А почему это у нас географию перенесли? – возмущались ученики.

Я пальцем вела по строчке напротив своего 5 «Б» и шла в класс.

– Ребята, – обратилась к нам новая классная руководительница, учитель трудов Татьяна Петровна, – нужно вы-

братъ актив нашего класса: командира, звеньевых, цветоводов и редколлегию. Ваши предложения?

Мы начали голосовать, и я стала членом редколлегии, Ленка Карманова цветоводом, Ленка Петрова председателем, а Светка Девятерикова и Жанка Терновых звеньевыми.

– И охота тебе лишнюю нагрузку на себя брать? – по дороге домой спросила меня Танька. – Тут бы уроки успевать делать, не то, что ещё плакаты да стенгазеты рисовать!

– А ты знаешь, что это большая ответственность? – важно ответила я. – Тем более для новеньких.

Оказалось, что почти половина класса были такими же новенькими, как и я. Все они перешли из начальной угренивской школы, расположенной на плодпитомнике, в среднюю школу номер девять в районе льнокомбината, добираться до которой надо было на большом рейсовом двенадцатом автобусе. По утрам, в семь двадцать, всех многочисленных учеников и рабочих нашей отдалённой от города улицы собирал ярко-жёлтый автобус. Однажды, кое-как забравшись в автобус и еле протиснувшись к сиденьям, я посмотрела в окно и увидела картину: последняя пассажирка, грузная пожилая женщина, пыталась как-то протиснуться в салон, но у неё это никак не получалось. Она, ухватившись за поручни, то и дело подталкивала висевших на подножках людей и причитала:

– Ну дайте же войти, наконец! Потеснитесь же там в середине!

Водитель автобус никак не мог закрыть двери и тронуться с места и всё ждал, когда же пассажиры утрамбуются. Кто-то начал громко советовать:

– Женщина! Может, вам боком попробовать?

– Да вы посмотрите, – отвечали другие пассажиры, – боком она ещё больше! Нет-нет, только передом!

Наконец все пассажиры «умялись», автобус со скрипом закрыл двери и тронулся. Люди наступали друг другу на ноги, шумно передавали монеты, бросали их в приёмник и выкручивали билет.

– Нинка, цифры сосчитай, – советовала Танька. – Вдруг счастливый билетик попадётся, его обязательно съесть надо.

Счастливой, конечно, я бы не отказалась стать, но билеты есть мне вовсе не хотелось.

В октябре мама купила мне школьный проездной билет на месяц за один рубль и билеты я больше не выкручивала. Всей угренёвской шумной гурьбой выходили мы на лесной остановке около дома престарелых и через Лесной техникум шагали в школу. После школы такой же веселой компанией возвращались на знакомую остановку, дожидались автобуса и, стоя на подножках, ехали домой.

Уроки начинались в восемь утра, поэтому опаздывать на автобус было нельзя. Выходя из переулка и видя приближающийся к остановке автобус, я со всех ног неслась, чтобы успеть залезть. Иногда не добежала, двери с шумом закрывались, и я оставалась одна. Бывало, не успев выйти из ворот

дома, вдалеке слышала знакомый звук двигателя. Двенадцатый пронёсся мимо нашего переулочка, а я, уже не торопясь, придумывала, как бы добраться до школы. Следом шёл совхозный ПАЗик, собирающий рабочих «Флоры», в который по счастью могла попасть и я. Иногда он не останавливался, и я шагала в школу одна, размахивая портфелем и громко напевая:

*Лаванда, горная лаванда
Наших встреч с тобой, синие цветы...*

Или:

*На вернисаже как-то раз
Случайно встретила я вас,
Но вы вдвоём, вы не со мною...*

С песнями дорога казалась интереснее и короче. После звонка я, вспотевшая и красная, забегала в класс.

– Итак, – начинала учитель математики Галина Васильевна, – перед началом уроков директор предложил проводить утреннюю гимнастику. Я хочу, чтобы эту гимнастику делала Нина Моськина, она часто опаздывает на первый урок и это ей будет только на пользу.

– Я не всегда опаздываю, Галина Васильевна... Я больше не опоздаю, я постараюсь...

С того дня гимнастику проводила Ленка Карманова, а я заходила в класс, когда ребята делали упражнение на расслабление «руки поднимаем – вдох, опускаем – выдох...»

После третьего урока наш класс сломя голову нёсся по длинному коридору в столовую, около которой всегда пахло вкусным обедом: по средам обязательно давали сардельки, по вторникам – рыбу, а по четвергам – печёночную отбивную и солёный огурчик. Ребята рассаживались по местам и начинали обедать. Я свою порцию съедала быстрее всех и с любопытством заглядывала в соседние тарелки: вдруг кто-то откажется? Сардельки сметались мгновенно, рыба тоже, а вот печёночные отбивные в некоторых тарелках так и оставались лежать нетронутыми.

– Кто будет печень? Кто солёный огурец? – кричали ребята.

Я тут же отвечала:

– Я! Я буду! Мне передайте!

С тех пор вся печень переходила мне.

– Нинке Моськиной печень с огурцом передайте!

В четверг из столовой я выходила особенно довольная.

После уроков мы с Танькой думали, на какую остановку лучше идти: через магазин на льнокомбинат, или через техникум к дому престарелых.

– Давай на «текстилку» пойдём, – предложила я Таньке, – «петушки» на базаре купим или мороженое в гастрономе.

– Ага, давай, – охотно соглашалась та.

Мы шли мимо базара к магазину, где Танька покупала два мороженых, себе и мне, поскольку у меня в кармане не было и копейки. Все деньги, которые выдавала моя мама, ухо-

дили на школьные обеды. Я быстро съедала своё мороженое и с завистью засматривалась на Танькино.

– Тань, можно твоё откусить? Оно у тебя вкусное?

– Такое же, как и твоё, – облизывая белую горку, отвечала подружка.

– Я разочек облизну, только попробую, ладно? – умоляла я.

Пока Танька отвлекалась, я несколько раз облизывала и откусывала мороженое, оставляя полупустой стаканчик. Танька не обижалась. Видимо, она не так любила мороженое, как я. Довольные, выходя из автобуса, мы прощались до завтра, и я бегом бежала домой.

Наш пятый «Б» был очень дружным классом. Вместе мы собирали металлолом, макулатуру, участвовали в ленинских субботниках, с яркими флажками и цветами ходили на первомайскую демонстрацию, а седьмого ноября, в годовщину Революции, с транспарантами шли в колоннах по главной улице города.

Татьяна Петровна, наша классная руководительница, была редкой красоты женщиной, она очень выделялась среди всех остальных учителей. С каштановыми вьющимися волосами, стройная и высокая, останавливала на себе взгляды не только учеников, но и учителей. Правда, она была замужем за нашим физруком, Виталием Ивановичем. Они были очень красивой парой. Ей и прозвище никакое не шло, в отличие от других учителей. Её могли назвать только «тру-

довичка». У многих остальных учителей были прозвища: Учитель физики – «Пожарная лошадь» – она была высокой женщиной и очень любила красное платье, надевая его пять дней в неделю. Учитель физкультуры – «Горыныч», Николай Егорыч – был чересчур большим и грузным. Второй учитель физкультуры, худощавый и высокий «Афоня», Сергей Афонасьевич – все ученики его просто обожали. Учитель истории – «Иван Кирпич», просто потому что он был Иван Ильич. Учительница географии – «Алла Пугачева», она очень хотела быть похожей на любимую певицу и во всём ей подражала. А какая смешная была у нас учительница ботаники Антонина Михайловна, которую дети называли по-доброму «баба Тоня». Она по несколько раз за урок скрывалась у себя в биологической каморке, оттуда выходила слегка «навеселе» и продолжала под тихий смех ребят свой длинный рассказ о богатой флоре и фауне Советского Союза:

– Так вот, ребятишки, – слегка заплетающимся языком повторяла она, – ппсе цветы... ппсе растения... ппсё живое на земле...

Она вдруг замолкала, грузно садилась за учительский стол, складывала кудрявую голову на пухлые ручки и засыпала...

Мы не мешали ей и оставшийся урок разговаривали шёпотом, чтобы не подвести бедняжку. Она вдруг поднимала голову, медленно вставала и снова заходила в каморку. Мы по очереди заглядывали к ней. Она сидела среди многочис-

ленных чучел животных и банок с консервированными зародышами, а рядом с ней склонил свой лысый череп скелет человека. Даже он вёл себя тихо! Все эти события никак не отражались на наше к ней отношении – Антонину Михайловну, «бабу Тоню» все очень любили!

Наша добрая учитель русского языка и литературы Наталья Ивановна... Какой необычайно красивый мир открывала она через поэмы и романы, стихи и повести, аккуратно сложив очки на край стола и смотря через оконное стекло куда-то вдаль, погружаясь в свои литературные океаны! Где вы теперь, наши учителя физики, химии, географии, истории, математики, физкультуры и литературы? Где вы, путеводители взрослой жизни? Улетели ли птицами, или ещё в этом несправедливом мире, прячетесь от собственных мыслей и недостойной пенсии? Только став взрослыми, мы поняли всю бесценность этой тяжёлой и требующей полной отдачи профессии. Но тогда мы, весёлые беззаботные дети, жили в своём, понятном только нам детском мире, учились, сбегали с уроков, влюблялись, спорили и ссорились. Мы жили, хранимые нашими невидимыми ангелами – школьными учителями.

Новые друзья

Часто после уроков я прибежала к Таньке Блиновой домой. Она жила в своём добротном кирпичном доме, состоявшем из двух этажей, и, чтобы попасть на кухню, нужно было спуститься по крутой лестнице вниз. На плите мы готовили вкусный обед – поджаренные на свиных шкварках яйца, которые осенью уплетали вприкуску с огромными красными помидорами. Почему-то у нас в огороде такие помидоры не вырастали, а у них все подоконники были завалены спелыми томатами. Потом мы поднимались наверх в её собственную просторную комнату и болтали по пустякам. Однажды, когда мы завалились на кровать после обеда, зашла Танькина подружка, Ленка Нечаева.

– Привет, чего делаете? – с любопытством спросила Ленка, красивая девчонка с русыми волосами до плеч, большими зелёными глазами и ярким румянцем на щеках.

– Заходи Ленка. Мы поели только, сейчас музыку слушать будем, – ответила Танька. – Хотите, я новую песню Юрия Антонова поставлю?

Она подошла к проигрывателю и опустила иглу на чёрную блестящую пластинку. Из динамика полилась песня:

*По широкой глади моря,
По равнине океана...*

– Скучно у вас, – сказала Ленка. – Может, поиграем во что-нибудь?

Она села на кровать и, взглянув на высокий трёхстворчатый шифоньер, добавила:

– О! Я придумала! Давайте со шкафа прыгать!

Танька грустно посмотрела наверх:

– Вы прыгайте, а я не полезу. Боюсь, ушибусь.

Представить Таньку прыгающей со шкафа было невозможно смешно, но нам было так интересно это увидеть.

– Да ты не бойся! Мы на пол подушки положим!

Танька пошла в комнату бабушки и принесла три огромные перьевые подушки. В ряд разложив их на полу, она сказала:

– Тогда вы первые прыгайте, а я последняя полезу.

Мы друг за другом стали карабкаться через стулья на крышку шкафа. Сели, опустив ноги, и по очереди спрыгнули вниз на мягкие перинные подушки.

– Теперь твоя очередь! – кричали мы громче поющего Юрия Антонова.

Танька закинула одну ногу на шкаф, мы же держали вторую, боясь, что бедняжка сорвётся и всей массой придавит нас обеих. Кое-как, пыхтя и крякая, она вскарабкалась на самый верх, села на край и опустила пухлые ножки.

– Ой, девочки, как высоко! Я боюсь! – с ужасом в глазах сказала она.

– Тебе кажется, что высоко, – успокаивали мы. – Подушки мягкие, не разобьёшься! Только прыгай на середину, чтобы уж точно попасть!

Танька зажмурилась, оттолкнулась, и со всего маху свалилась на пол. Раздался такой удар, что люстра на потолке слегка закачалась, игла с края пластинки перескочила к самому центру, сама же Танька неподвижно лежала на подушке, уткнувшись в неё лицом.

– Ты живая? – осторожно спросили мы, наклонившись над ней.

Танька подняла голову.

– Вроде да. Посмотрите, я ничего себе не сломала?

Услышав шум, в комнату зашла, едва передвигая ногами, старенькая Танькина бабушка.

– Вы чего тут делаете? Что у вас произошло? Ничего не упало?

– Нет, бабушка, ничего, – ответили мы, еле сдерживая смех. – Ну что, тогда ещё разочек?

Когда в очередной раз Танька сидела на шкафу, а мы горкой выкладывали три подушки друг на друга, в комнату зашла её мама. Увидев свою дочь под потолком, она так сильно стала ругать нас, что мы, наспех натянув кеды и схватив куртки, выбежали вон из дома. Как Танька спустилась, мы не знали, но дом стоял на месте, и грохота не было слышно. Мы, смеясь и обсуждая нашу придумку, весело пошли по домам. С того времени у меня появилась ещё одна подру-

га, Ленка Нечаева, с которой мы придумывали всё новые игры и развлечения.

– Ленка, у меня марки есть новые, немецкие! – хвасталась я.

– Ой, как интересно! И что мы с ними будем делать?

– Придумала! Давай Таньке письма писать, как будто из Германии, вот она удивится!

Мы нашли лист бумаги в клеточку и сели сочинять письмо от «Моники»:

«Здравствуй, дорогая подруга из Советского Союза! Меня зовут Моника, я живу в Германии и учусь в пятом классе на одни двойки. Я дружу с мальчиком, а у тебя есть мальчик? Я хочу пригласить тебя в гости к себе в Берлин, приезжай на осенние каникулы.

До свидания, твоя немецкая подруга Моника».

Мы запечатали письмо в конверт, наклеили марку и опустили в почтовый ящик на воротах дома.

В школе Танька мне похвасталась:

– Ты представляешь, мне из Германии письмо пришло от новой подруги, её Моника звать! Она меня в гости приглашает!

– Да ты что! – я еле сдерживала смех. – Как интересно! Ты поедешь?

– Не знаю... Если мамка отпустит, то поеду.

– Ты будешь ответ писать? – с любопытством спросила я.

– Конечно, напишу обязательно, только не знаю о чём.

– А ты напиши, кто из мальчиков тебе нравится; ей это наверняка интересно будет. Если хочешь, то я могу помочь тебе письмо написать.

Придя к Таньке домой после школы и наевшись яичницы, мы сели сочинять письмо для немецкой подруги:

«Привет, Моника! Я тоже учусь в пятом классе, правда не на двойки, а на четвёрки и тройки. Я очень хочу приехать к тебе в гости, но мама может меня не отпустить одну, поэтому я приеду с ней, или, может быть, с Нинкой Моськиной, моей одноклассницей. У меня нет жениха, но в классе мне очень нравится один мальчик. Его зовут Андрей. Я очень хочу с ним дружить. С приветом, Таня Блинова»

– Да-да, – едва сдерживая смех, диктовала я. – Так и напиши: «С приветом, Таня». Давай запечатывай, а я марку наклею и в ящик сброшу.

– Нет, Нинка, на почту я и сама отнесу, ты только марку дай.

– Ладно, не хочешь – не надо, – фыркнула я. – Завтра марку принесу.

И я неслась со всех ног к Ленке Нечаевой. Там я пересказывала письмо, мы хохотали и тут же сочиняли следующее.

Вскоре эта переписка нам изрядно надоела, и Танька Блинова перестала получать письма от немецкой подруги.

– Танечка, у тебя ведь скоро день рождения, – напоминала я подружке. – Ты будешь праздновать?

– Не знаю ещё, – отвечала Танька. – Мамка может не раз-

решить...

– Жаль. Я ведь тебе уже подарочки приготовила...

Действительно, специально для неё из старых маминых журналов моды, которые мы привезли когда-то из Польши, я вырезала красивых моделей в модных пальто и платьях. Их было так много, что мне пришлось складывать моделей в кучку, а потом в специальную двойную открытку, которую нам прислала тётя Тося из Мурманска с поздравлениями к восьмому марта. Все тётины поздравления я зачеркнула ручкой, а рядом фломастером написала своё: «Дорогая Таня! Поздравляю тебя с двенадцатилетием! Желаю здоровья, успехов в учёбе и любви! Нина. 2 мая 1983 год». Этот подарок я с гордостью вручила имениннице. Она прослезилась от счастья, обняла меня с такой силой, что я чуть не посинела, и после уроков повела в гастроном угощать мороженым. Я слопала три порции и по дороге домой сказала:

– Таня, тебе понравились мои подарки? У меня ведь тоже скоро день рождения, ты мне что хочешь подарить?

– Не знаю ещё. А что бы ты хотела?

Недавно в игрушечном магазине я увидела маленькую плюшевую обезьянку. У мамы просить денег на неё было бесполезно, поэтому я обратилась к подружке:

– Таня, я очень хочу в подарок одну малюсенькую игрушечку! Она всего три рубля стоит, давай зайдём, посмотрим, а?

Мы зашли в универмаг, и Танька пообещала мне её по-

дарить. Ровно через три недели я получила свой долгожданный подарок – новенькую плюшевую мартышку с коричневой спинкой и смешной жёлтой мордочкой. Тут уже я обнимала подружку с такой силой, что та визжала и смеялась от радости. Угощать мороженым мне было не на что, поэтому я благодарила её своими бесконечными выдумками и играми. Кстати сказать, подаренная мартышка в то время была самой дорогим подарком, дороже которого я не получала.

Баня

Хотя наша баня была совсем непригодной для мытья, топить её всё равно приходилось, не ходить же грязными. Впервые мы с мамой зашли в баню, налили в тазы воды, забрались на серый полок и стали мыться.

– Нет, Нина, надо в общую баню ездить. Чувствую, эта долго не протянет. Смотри, как потолок провисает, того и гляди скоро на нас рухнет.

Мама была права. Было заметно, как из раза в раз фанерный потолок прогибался всё ниже, и нам уже приходилось наклоняться, чтобы не задевать его головой. Когда в очередной раз мы вышли в предбанник и растирались полотенцами, вдруг раздался сильный грохот обвалившегося потолка. Заглянув вовнутрь, мы увидели неприятную картину: на сыром полу лежала огромная куча песка вперемешку с грязными опилками, а куски сырой фанеры свисали вниз.

– Вот и всё, Нина. Слава Богу, успели выйти. Придётся ездить теперь в общественную баню.

Иногда к себе в баню меня приглашала Ленка Филиппова; я с радостью собирала вещи, перелезала через забор, и мы вместе мылись. Их банька была маленькой, чистой и уютной, с небольшим тёплым предбанником, с низкими потолками и маленьким оконцем, закрытым цветастой занавеской. Ленка отодвигала её в сторону и дневной свет освещал ма-

ленькое банное помещение. Она по-хозяйски намывала тазы, запаривала веник, садилась и начинала расплетать свою русую косу. Я прежде не видела её с распущенными волосами, смотрела и не могла оторвать взгляда от такой красоты. Та перекидывала густую копну на одно плечо и неподвижно сидела, вдыхая широкими ноздрями горячий воздух.

– Сперва надо помыться, а уж потом париться, иначе в этой жаре мы долго не вытерпим, – важно сообщала Ленка. – Сначала ты мне спишу шоркаешь, потом я тебе, ладно?

По очереди, намылив огромным куском мыла мочалку, мы натирали друг другу спины с такой силой, будто старались содрать старую грязную кожу. Ленка давала мне свой желтковый шампунь, и мы превращали его в густую белую пену.

– Ой, глаза щиплет! Ленка! Отдай ковш! – орала я. – Да подбавь водички холодной побольше, это же кипяток!

– Наклоняйся Нинка, я поддавать буду. Да куда ты наклоняешься к самой топке?! Сейчас морду паром обдаст!

Мы мылись, парились, били друг друга веником, смеялись, обсуждали школьные дела (Ленка училась на класс младше, хотя мы были с ней ровесницами). Затем по очереди выскакивали в предбанник, отдыхали на тёплой лавке и снова шли париться. После бани тело скрипело от чистоты, становилось красным, горячим и как будто новым. Я обматывала голову полотенцем, перелезала через забор и заходила к себе домой.

Иногда меня приглашала Ленка Нечаева. Я счастливая, скинув вещи в сетку, бежала к ней через переулок. Их банька была низкой, как сказочная избушка на ножках, только без ножек, и чтобы зайти в малюсенький предбанник, нужно было хорошенько наклонить голову и с порога спуститься на ступеньку вниз. Мы шли туда последними, после Ленкиного отца, мамы, младшей сестры Надьки и бабушки Ани. Тесная и горячая, банька встречала нас густым паром, кипящей водой и обжигающим берёзовым веником. Мы мылись и парились, выскакивали на улицу, обливаясь холодной водой из дождевой бочки и снова заходили в баню.

– Пошли к нам чай пить, – звала Ленка Нечаева. – Отдохнём, тогда и домой можно.

Мы усаживались за большой кухонный стол у светлого окна, Ленкина мама ставила на плиту чайник, нарезала большие куски белого хлеба, а мы болтали, намазывая на них варенье, и ждали чаепития.

– Ну как помылись? Хватило воды? – спросила тётя Галя, красивая полная женщина лет сорока с густыми русыми волосами, собранными на затылке в мощный валик.

– Хватило, мам. Холодной много осталось, – ответила краснощёкая Ленка.

Из комнаты вышел её отец, дядя Толя, худощавый загорелый мужчина в белой майке и растянутых на коленях рейтузах. Он взял с печи пачку сигарет и пепельницу.

– Здравсьте, дядь Толя, – сказала я.

– Здорово, Нинка! С лёгким паром! Чего, намылись, что ли?

Мы кивнули. Дядя Толя вышел и сел на высокое крыльцо, застеленное разноцветными половиками и, прищурившись, закурил. Мы же пили вкусный чай в прикуску с бутербродами.

– Ну что, я домой побежала. Спасибо, тётъ Галя. Ленка, пока!

Я бежала домой, размахивая сеткой, счастливая и чистая, как новорожденная!

Но это было не так часто. Зато каждую субботу мы с мамой, собрав в сумку полотенца и веник, садились на привычный автобус номер двенадцать и в «женские дни», когда в общественной бане работало женское отделение, ехали на льнокомбинат, в баню с отдельной парной и комнатой для отдыха, где на широких кушетках поверх белых простыней лежали голые женские тела.

– Я тоже полежать на кушетке хочу, – просила я маму, – только этих тётенок не согнать. Они что, уснули там?

– Иди у кабинки посиди, там тоже прохладно, – советовала мама.

Я то и дело подходила к кушеткам и караулила, когда же хоть одно тело встанет и освободит мне местечко. Рядом с кушетками стояли самые настоящие напольные весы; я осторожно вставала на них и передвигала гирьки до тех пор, пока стрелка не повисала где-то посередине. Сколько

времени проводили мы в бане среди шумной голой толпы женщин с детьми, стареньких сморщенных бабулек и грузных грудастых тёток, которые, держа с двух сторон за веревки мочалку, водили ею по спине в разные стороны. Высушив полотенцем волосы, с красными лицами мы садились в свой угренёвский автобус и возвращались домой.

– Ну всё, Нина, теперь до следующей субботы, – с радостью вздыхала мама. – Слава Богу, чистые.

Когда наступала зима и лёд на реке становился толстым, мы ходили в баню на другую сторону реки, в посёлок Мало-Угреньёво. Там царила совсем другая атмосфера: сельская, чужая, и, как мне казалась, неудобная. Купив два билета, мы садились в очередь и ждали, пока чья-нибудь кабинка освободиться. Я сидела гордая от того, что являюсь городским жителем среди селян. Мне казалось даже, что я сильно отличаюсь от них. Подходила очередь, мы раздевались и заходили в баню. Здесь парная была не с сухим паром, а с влажным. Я ждала того момента, когда по чёрным трубам побежит горячая вода и через сотни отверстий начнёт выходить густой горячий пар. В одну минуту он заволакивал всю парную, очертания фигур пропадали, лишь слышались удары веником и чьи-то разговоры:

– Ох, и горячо же! Дыши глубже, Глаша!

– Сядь поближе, бабуля, погрейся, я за веничком спущусь!

Чистые и уставшие, плелись мы по снежной извилистой

тропе по льду из села на свою родную улицу.

– Правду люди говорят: в который день паришься, в тот день не помрёшь, – рассуждала мама, отряхивая веником заснеженные валенки. – Когда-нибудь Олег построит нам новую баню, бревенчатую, тёплую, с новым полком, и нам не придётся никуда ездить.

Интересно жизнь течет: сколько прошло лет, а общественные бани как были, так и сейчас есть, и люди с удовольствием ходят туда помыться, очистить своё тело и свой дух, пообщаться, поделиться свежими новостями и дать новые советы. Сегодня, когда я живу в большом красивом городе, у нас есть своя загородная баня – боярыня, настоящая, светлая, с отдельной парной и комнатой для отдыха – я вспоминаю те маленькие алтайские баньки с чёрными потолками и крохотными оконцами. Я вспоминаю их, и мне вновь хочется очутиться в том маленьком родном месте беззаботной девчонкой, поддать парку и прижаться к полу от мгновенного жара. Хочется ощутить всю лёгкость тела и чистоту мыслей, когда молодая мама после баньки наливает мне горячий чай в кружку и приговаривает:

– Нина, осторожно, смотри не обожгись. В блюдце перелей, так остынет быстрее. Дуй аккуратнее, а блюдце двумя руками держи, не опрокинь случайно.

Я пью сладкий мамин чай из блюдца, ощущая спокойствие и блаженство.

Новенький

Шёл всю учебный год. На дворе хозяйничала поздняя осень, когда дверь класса отворилась, и на пороге появился мальчик, в школьной форме, с пионерским значком на груди и повязанным красным галстуком. На него нельзя было не обратить внимания: уж очень был он похож на маленького вождя мирового пролетариата с октябрятского значка, только слегка откормленным. Кудрявые волосы рассыпались во все стороны, и он то и дело поправлял их, откидывая прядь со лба.

– Ребята, – сказала в начале урока Наталья Ивановна, – позвольте представить нового ученика вашего класса, Кайгородова Андрея.

И, обращаясь к нему, добавила:

– Проходи, Андрюша, занимай свободное место. Итак, тема урока...

Весь урок моя Танька смотрела на новенького не отрывая глаз, облокотившись пухлым подбородком на кулак, а после звонка тихо сказала мне:

– Посмотри, какой он хорошенький, правда?

– Не знаю, я его не разглядывала, – ответила я равнодушно.

Рассматривать его было неудобно, приходилось то и дело поворачивать голову с первого ряда к третьему, и к концу

уроков шея заболела от напряжения.

Андрей, чувствуя наши любопытные взгляды, изредка оборачивался и улыбался.

– Нинка, он мне улыбается, – всю дорогу жужжала Блинова. – Ой, кажется, я влюбилась!

С того дня все разговоры были только про Андрюшу. Он, стараясь не замечать внимания со стороны Таньки, общался с мальчишками, выходил к доске и решал задачи, читал выученные стихи, пел на уроке музыки, бегал и бросал мяч на физкультуре.

Однажды, видя, как Танька хочет всячески привлечь внимание к себе, я предложила:

– Ты ему записку напиши, чтобы он догадался, что ты его любишь, и смотри на реакцию.

– А что ему написать?

– Напиши так: «Дорогой Андрей, ты мне давно нравишься. Давай дружить. Таня».

– Думаешь, так и написать?

– Конечно! – ответила я. – Он сразу поймёт и не будет тянуть с ответом.

На уроке литературы Танька написала записку, сложила её вчетверо и через парты передала адресату.

Мы наблюдали за его реакцией. Кайгородов получил послание, оглянулся, слегка улыбнувшись, и прочёл. Больше в нашу сторону он не поворачивался.

– Странно, – размышляла я, шагая к остановке, – никакой

реакции. Нет, этого так оставлять нельзя. Надо выяснить, что он думает по этому поводу. Надо написать поконкретнее.

– Что же? – по Танькиному выражению лица я поняла, что без моей помощи тут не обойтись.

– Что, что, – передразнила я. – Всему тебя учить надо. Надо написать так: «Дорогой Андрюша, я тебя люблю и предлагаю тебе дружбу. Твоя Таня».

– А зачем писать «твоя»? – удивилась подружка.

– Ну как ты не понимаешь? Чтобы у него выбора не было! Он твой, а ты его. Всё просто!

На следующий день Андрей получил вторую записку. Улыбаться он уже не стал, повернулся и швырнул скомканный листок в нашу сторону. Тот перелетел через ряд и упал прямо к нам на парту. Танька покраснела как рак, и убрала записку в карман. Дружить Андрей, по всей видимости, не собирался.

– Нинка, он меня не любит! – ныла Танька у себя дома, когда мы жарили яйца на сковородке.

– Не любит – полюбит! Не хочет – заставим! – утверждала я. – Если так и будешь ныть, ничего у тебя не выйдет, поняла? Тут действовать надо, а не записки писать!

– Как действовать-то? – Танька перевернула горячую сковороду, и яичница плюхнулась на большую тарелку.

– А так! – я встала, изображая всю придуманную сцену объяснения. – Ты подходишь к нему – после школы, естественно – кладёшь руки на плечи, смотришь прямо в глаза

и говоришь: «Андрюша, я тебя люблю». Он тебя тоже обнимает, признаётся в любви, и вы счастливые выходите из школы. Здорово я придумала?

Весь следующий день Танька готовилась к объяснениям.

– К доске выходит... – вела указательным пальцем сверху вниз учитель географии Наталья Алексеевна, – выходит Блинова Таня. Расскажи нам про Мировой океан.

Танька, неловко улыбаясь, встала из-за парты и вышла к доске, поправляя лямки кружевного фартука. По её выражению лица было понятно, что сегодня Мировой океан её мало интересовал.

– Ну, чего молчишь, Таня? – спросила учитель. – Рассказывай, какова общая площадь Мирового океана, на сколько частей делится, что такое «акватория». Ты учила?

– Учила... – пробубнила себе под нос Танька. – Но забыла...

– Садись, Блинова. Ну, кто учил, но не забыл? – обратилась к нам Наталья Алексеевна.

Каждый из нас как можно ниже склонился над учебником и старался стать хоть на минуту невидимым.

– К доске пойдёт...

Мы уже ничего не слышали.

– Петрова Лена. Расскажи, Леночка, про Мировой океан.

И Леночка рассказала. Как всегда, на пятёрку. Весь класс спокойно выдохнул.

После уроков Танька решительно подошла к своему ге-

рою. Но не успела она положить одну руку ему на плечо, как тут же неожиданно получила оплеуху. Но Танька не сдавалась. Она обняла Андрея с такой силой, что тот прижался, словно воробушек, всем телом к её пухлой груди, пытаясь вырваться. Через секунду он отскочил, как пробка из бутылки, и заехал ей по щеке с такой силой, что Танька отлетела к подоконнику, держась за голову.

– Отстань ты от меня, Блинова! – закричал на весь коридор Андрей. – Замучила уже, дура!

Танька покраснела как рак и убежала в туалет. Я кинулась за ней.

– Танечка, да не реви ты. Кто же знал, что он такой бешеный? Да ему лечиться надо, дураку! – я обняла подругу, чувствуя в этом и свою вину. – Ладно, переживём. Найдём другого парня, а этот пусть всю жизнь один мучается.

Мы шли домой, наперебой рассуждая, какой он всё-таки глупый мальчишка и что он прохлопал ушами своё счастье. С тех пор Андрей жил спокойно, а Танька уже не смотрела в его сторону и учиться стала гораздо лучше. Второй Танькиной любовью стал водитель автобуса. Но это было гораздо позже. В четырнадцать лет...

Водитель автобуса

Одним из водителей автобуса номер двенадцать был молодой парень, который недавно устроился на наш маршрут. Многие девицы сразу заметили его и старались вставать в салоне таким образом, чтобы в лобовое зеркало видеть его отражение. В него-то Танька и влюбилась.

– Он же старик по сравнению с тобой! – убеждала я подружку. – Тебе четырнадцать, а ему все тридцать!

– Не тридцать, а двадцать восемь, – поправила Танька. – Я лично узнала. Его зовут Женя. Он такой лапочка! А какая улыбка, какие глазки! Обалдеть!

Мне тоже пришлось в автобусе пялиться в зеркало, чтобы разглядеть его физиономию. Действительно, за рулём сидел молодой худощавый водитель невысокого роста, довольно симпатичный, с тёмными короткими волосами и карими глазами.

– Видишь, Нинка, какой красавец? – улыбалась Танька в лобовое зеркало, держась за поручни прыгающего на кочках автобуса.

– Вижу, не слепая, – ответила я. – Ты чего так пялишься-то? Он же сразу вычислит!

Но все мои попытки пристыдить подружку были безуспешными, и Танька продолжала улыбаться, не обращая на меня никакого внимания. Это меня не могло не сердить,

и я возмущённо сказала:

– Да уж, посадили клопа за руль! Как ему вообще автобус с пассажирами доверили? Его же из-за руля еле видно, хоть бы подушку подкладывал. И какая дурочка за него замуж вышла?

– Он что, женатый? – воскликнула Блинова.

– Конечно, женатый! – утвердительно голосом заявила я. – У него жена есть и трое детей.

– Откуда ты знаешь? – Танька с тревогой в глазах посмотрела на меня.

– Я чувствую. Интуиция это называется. Если пойдём к тебе домой, и ты покормишь меня вкусным обедом, то, так и быть, всё тебе про него расскажу.

В тот день мне не особо хотелось идти домой и разогревать вчерашний вермишелевый суп из пакетиков, а у Таньки дома всегда была приготовлена кастрюля борща и вкуснейшее картофельное пюре с котлетами, а бабушка выпекала в духовке ароматные булочки с маком.

– Ну что, давай обедать? – предложила я влюблённой.

Мы спустились по крутой лестнице на кухню, разогрели борщ, добавили густую сметану и со свистом съели его вприкуску с ржаной горбушкой. Вдоволь наевшись и допив компот, Танька потянула меня наверх.

– Давай же, рассказывай про него!

– Подожди, так просто интуиция не появляется. Надо чуть полежать. Как только она появится, сразу всё тебе расскажу.

А пока мне хочется поспать...

– Ну уж нет, Нинка, – возразила Танька. – Нажралась, и спать завалилась? Рассказывай быстрее, мне не терпится.

– Ладно, пока жду прозрения, давай карты. Буду гадать.

Танька достала из шкафа новенькую колоду игральных карт, я взяла их в руки и перетасовала.

– Ладно, слушай, – и начала тихо шептать в колоду:

– Крэкс, мэкс, пэкс! Карты, подскажите имя человека, который влюблён в Таньку!

Выкладывая по очереди карту за картой, я таинственным голосом произнесла:

– Записывай буквы: Е, И, Й, Г, Н, В, снова Е. Составляй быстрее.

– Евгений! Женечка! – воскликнула Танька. – Точно, он! А семья? А трое детей?

Я снова начала тасовать карты и шептать «заклинание», после чего веером выложила по одной карте, пока не дошла до туза.

– Нет, не женат он, повезло тебе.

– Я же говорила, что не женат! А ты – семья, трое детей! Давай дальше!

– Что дальше? – возмутилась я. – И так много тебе сказала. И домой мне пора, засиделась я нынче у тебя.

– Ниночка, может, в следующий раз ещё погадаешь? – спросила Танька.

– Ладно, погадаю, – ответила я с порога. – Только завтра.

Пока, Танька!

Уж чего, а фантазировать я умела, и всякий раз придумывала что-нибудь новенькое для моей подружки.

Я схватила портфель и, не успев сбежать с крыльца вниз, услышала писклявые детские голоса:

– Танька, выходи, дуручка из переулочка!

Мы выглянули из окна веранды и увидели двух толстых мальчишек: одним из них был её младший брат Серёжка Блинов, а вторым – его дружок Серёжка Ивашинников. В осенних пальто в клеточку и тёплых шапках с перекинутой через голову резинкой, они открыли ворота настежь и орали во всё горло:

– Танька, колобаша, выходи!

– Ух, я вам сейчас задам! – Танька слетела с крыльца и со всех ног понеслась к воротам. – Эй! Лавша-блавша! Всё сегодня твоей мамке расскажу! Всыплет тебе по первое число!

Те, только услышали Танькины шаги, сбежали на соседский двор.

– Совсем малышня обнаглела! Первоклашки безмозглые! – сетовала Танька. – У Ивашинниковых трое пацанов, и все с приветом! Вот вернётся отец, всё ему расскажу, достанется и моему братику! Нашёл, с кем дружбу водить!

Мы попрощались, и я бегом понеслась через переулок к своему дому. На следующий день мы с Танькой после школы пошли на остановку льнокомбината через большой га-

строном.

– Представляешь, Танечка, у меня в куртке утром двадцать копеек было, – начала рыскать я по своим карманам, – а какой-то воришка их в раздевалке вытащил! На что мне теперь мороженое покупать?

– Ладно, не переживай, куплю я тебе мороженое, – успокоила Танька, – у меня как раз денег на два стаканчика есть.

Мне этого и надо было! Двадцати копеек у меня отродясь не было, но мне так хотелось мороженого, что пришлось чуть приврать.

– Спасибо, Танечка. Ты настоящий друг! За это я тебе погадаю по-особому! У вас что сегодня на обед приготовлено?

С автобусной остановки мы напрямиком зашагали к ней домой.

Вдоволь наевшись макарон с котлетами, я снова принялась гадать.

– Ну, что тебе сегодня рассказать? – загадочным голосом спросила я.

– Расскажи, будем ли мы с ним вместе.

Я перетасовала колоду, нашептала что-то невнятное, и стала выкладывать карты крестом.

– Всё! Наконец-то! – воскликнула я. – Увидела.

– Что увидела?

– Не что, а кого. Вас обоих увидела, – я начала пальцами тыкать в карты. – Смотри: ты – дама бубновая, он – король крестовый. Вы и выпали вместе, в казённом доме. Поздрав-

ляю!

Я встала со стула и важно пожала Таньке руку, а та в ответ принялась меня целовать и обнимать. По всему было видно, что на ближайший год мороженым я была обеспечена.

Забегая вперёд, могу сказать, что все мои пророчества сбылись. Бубновая дама в восемнадцать лет встретилась с крестовым королём в казённом доме, общежитии при Бийском автопарке, и жили они долго и счастливо сто лет и умерли в один день... Ладно, шучу. Не умерли, и сто лет не жили. Но, действительно, долго дружили, и своими рассказами о любви Танька смешила меня до слёз, и я еле сдерживалась, чтобы не подавиться вкусным её обедом...

Гриша

В один из обычных сентябрьских дней мама зашла в дом, и из её полупустой почтальонской сумки вывалился маленький мяукающий комочек.

– Вот, пенсию по деревне сегодня разносила, бабушка Вера из первого переулка навязала. Говорит, замечательный котик, – уставшим голосом произнесла мама. – Один остался, остальных всех разобрали.

– И что мы с ним делать будем? – Олег подошёл к котёнку, склонился над ним и равнодушно вздохнул.

– С ним-то чего делать? – вступилась я. – Это он делать будет, когда вырастет! Мышей ловить будет. Красивый котик – трёхшёрстный...

– Вот я и согласилась, потому что котик да ещё трёхшёрстный. Кошку я бы ни за что брать не стала. От них потом только котят мучайся, раздавай. Баба Вера сказала, трёхцветные коты счастье приносят...

Так в нашем домике прибавился ещё один житель – ласковый котик Гришка.

– Гришка, кыс-кыс-кыс! – звала я его, наливая в старое треснувшее блюдце холодное молоко.

Он быстро откликнулся, с удовольствием лакал его, а потом без конца благодарил, мурлыча и потирая свои шелковистые бока о мои ноги.

– Гришка! Брысь! – кричал Олег, когда кот садился посередине кухонного стола и смотрел сквозь узкую щель занавески в огород. – Совсем обнаглел!

Его голоса Гришка боялся сильнее всего, он быстро спрыгивал со стола и бросался сломя голову в угол, где специально для него была проделана дыра, ведущая в подполье.

– Вот и сиди там! – Олег закрыл дырку перевёрнутой табуреткой. – Мыши всю картошку изгрызли, скоро с нами за одним столом обедать будут!

– Ага, представляете? – смеялась я. – Иркина мама рассказывала, как однажды она заходит в дом, а их Кузька ест из одной миски с крысой! Вот умора! А Тишка на столе от крысы прячется!

– Да я бы их котов не то что кормить, враз бы за шиворот из дома выбросил! – возмущался брат.

– Нет, они хорошие, ласковые, их нельзя за шиворот, – размышляла я. – Кузька, конечно, намного наглее, чем Тишка, но тётя Вера их любит. И я Гришку люблю...

Григорий быстро вырос, и из обычного худого гладкошёрстного котёнка вырос такой же маленький худой кот с крохотной головой, непропорциональным туловищем, длинным тонким хвостом и миниатюрными лапками. Красотой Гриша не блистал, зато заставил однажды полностью поменять о себе представление. Дело всё в том, что Гришкин живот стал вдруг стремительно расти, и через пару месяцев из подполья слышались многочисленные мяукающие го-

лоса.

– Ой! – воскликнула мама. – Это что же, наш Гриша око-
тился? О, Господи! Мне кошку подсунули, что ли?

– Вот-вот, – Олег чуть не подавился, набив полный рот макарон. – Именно кошку тебе и подсунули. Вот, теперь от-
неси-ка этого котика обратно пенсионерке своей, пускай по-
смотрит, что из него выросло! Последний, видите ли, у неё
остался! Да эту кошку никто и забирать-то не собирался! По-
смотри, какая страхолудина выростла! Да она и на ката-то
не походила с самого начала, разве такие коты бывают вооб-
ще?

Это была правда. Принять Гришку как кошку стало мне
гораздо проще, чем представлять её котом. Именно кошкой
она и оказалась. Кошка Гриша. Я засмеялась, погладила её
костлявую хребтину, и сказала:

– Ничего страшного, пускай кошка. Котят раздадим, а ка-
ких не заберут – мы с Ленкой кошачью ферму откроем, меж-
ду нашими сараями. У Ленкиной кошки тоже котята появи-
лись, вместе жить будут!

На следующий день мы с Ленкой принесли две картонные
коробки, застелили их старыми тряпками и перенесли туда
котят. Котят у Гришки было трое, а у Ленкиной кошки –
пятеро.

– Это настоящая ферма! – радовались мы, расставляя та-
релочки у коробок и наблюдая за слепыми созданиями.

– Давай их вырастим и продавать будем? – предложила

Ленка. – Мои вон какие красивые!

– Не знаю, хоть за так бы отдать, – вздыхала я. – Мы ж кота не видели, а вдруг он такой же, как Гришка – страшненький? Вот у нас на Телецком озере кошка была, Хавронья, вот это была королева! Сибирская, пушистая-пушистая, белая-белая, как снег! Её на снегу даже видать не было, вот какая она была – снежная!

Я замолчала и с грустью подумала о Хавронье. Умнее кошки я не встречала, да и мама с братом тоже. Она досталась нам по наследству вместе со старым гнилым домиком, и дана была в утешение за все долгие и тяжёлые мучения. Красивая, с пушистым лёгким хвостом, она одурманивала всех соседских котов, сводя с ума своим гордым характером и статью. Котят она, правда, приносила всего пару раз и то по одному-два – видимо, была слишком разборчива в отношениях. Жила она в ветхом домике, затем, когда нам дали новый дом, переехала вместе с нами. Однажды Хавронья куда-то пропала. На целых шесть дней. Сколько слёз мы пролили, дожидаясь нашу гуляку! Но ровно через шесть дней она вернулась – похудевшая, с потухшими миндального цвета глазами и с уже не такой блестящей шерстью. Мы снова зажили спокойной и привычной жизнью – без мышей, которых наша мышеловка приносила постоянно, как бы отчитываясь за проделанную работу.

– Умница, Хавронья! – Олег теребил её за холку, та же недовольно урчала и быстро убегала, запрыгивала маме

на колени и, свернувшись клубком и поджав красивый хвост, заводила свою долгую песню.

В последнюю зиму перед отъездом Хавронья вдруг исчезла, не оставив никакой надежды. Мы ждали её шесть, десять, двадцать дней, ждали месяц, два, и, поняв наконец, что наша красавица покинула нас навечно, со слезами убрали её блюдце от печки. Куда ушла кошка – один Бог знал. Говорят, что животные не умирают, а улетают на облачко, и оттуда наблюдают за своими хозяевами. Я долго смотрела в ту зиму на небо, стараясь в каждом белом облаке увидеть свою любимую снежную Хавронью...

– Нинка, смотри! У меня рыжий котёнок глаз открывает! – перебила Ленка мои мысли. – Всё, скоро раздавать будем. Я предлагаю написать объявление и повесить на магазине, вдруг разберут?

Несмотря на все опасения, соседи разобрали всех наших котят. Правда, описывать своих мне приходилось куда красочнее, чем Ленке.

– Посмотрите на этих чудесных котят! – представляла я своих питомцев. – Мои трёхцветные кошки приносят счастье! Так налетайте за счастьем, пока оно у меня не закончилось! Отличные мышеловки, от умной красивой кошки и такого же красивого породистого кота!

Через месяц после открытия кошачьей фермы мы её с радостью и закрыли. Гришка немного потосковала, сидя на кухонном столе и с грустью смотря в окно на замёрзшую зем-

лю.

– Мам, хорошо, что мы до зимы котят раздали, правда? – размышляла я. – Где бы мы их держали? Теперь надо следить за ней, чтобы до весны ни с одним котом не гуляла.

Гришка гулять и не собиралась, с первыми морозами она всё чаще сидела на печи и всё реже выходила на улицу. Однажды с неё произошёл один почти трагический случай...

Наступили холода, и хотя до рождественских морозов было ещё далеко – на дворе стоял декабрь – ветра подули с такой силой, что казалось, наш домик вырвет из завалинки и унесёт в неизвестном направлении. Ветер задувал и в печную трубу, от чего на душе становилось тревожно и холодно. Вечером мама по привычке растапливала остывшую за день печь, потирая замёрзшие ладони друг о друга, и натягивая на пальцы рукава старого шерстяного свитера. Скомкав газету, засунула её в печь, сверху положила крестообразно несколько сухих щепочек, дрова и вышла в сени за углём. В это время Гриша залезла в печку и легла на поленья, видимо, предполагая, что внутри будет гораздо теплее, чем на ледяном полу у печи. Мама занесла тяжёлое ведро с углём, чиркнула спичкой, растопила печь и поставила на плиту старый, покрытый сажей, эмалированный чайник. Дрова затрещали, от их треска сразу стало как-то уютнее. Только мама приготовилась откинуть верхние кружки, чтобы вывалить сверху уголь, как вдруг дверца печи резко открылась и из неё выскочила Гришка с дымящимися ушами и хвостом.

– Ой, батюшки мои! – взвизгнула мама, увидев «погорелицу», которая стала уже не трёхшерстной, а полностью серой. – Наша Гришка горит!

Кошка бегала по комнате, орала как резаная и чуть не сбילה маму с ног. К счастью, в дом вошёл Олег, и кошка выскочила через открытую дверь на веранду.

– Ты зачем Гришку подожгла? – удивился Олег.

– Я подожгла? Да кто мог предположить, что она в печку залезет! – возмущалась мама. – И как она смогла туда забраться?

Через час Гришка пришла в себя, изрядно замёрзнув на улице, пискляво замыкала и попросилась домой. Какая она стала жалкая: без усов, с обгоревшей шерстью! С тех пор мы наблюдали за ней, когда она, сидя у поддувала, с тоской смотрела на падающие сверху искры...

Бедная кошка, она так и не смирилась с нашим ледяным жилищем – к следующей осени взяла, да и перебралась жить к Филипповым. Их домик был очень тёплым и уютным, с окнами в голубых ставнях и на высоком крепком фундаменте.

– Нинка, – сетовала тётя Шура, Ленкина мама, – ваша Гришка у нас всё время околачивается. Жалко её, бедняжку. Пускай у нас, что ли, поживёт, а захочет, так к вам вернётся! Хотя я сильно в этом сомневаюсь...

Шло время, но Гриша к нам так и не вернулась. Видимо, у соседей ей было гораздо спокойнее, сытнее и теплее жить. «Да, кошки такие существа – живут, где хотят, гуляют – где

хотят, и хозяев выбирают – каких хотят, – думала я, поглаживая Найду, которая от блаженства закрыла глаза и положила морду на лапы. – Собаки не уйдут к соседям жить, они верные животные».

– Найда! Может, и тебя отпустить с цепи? Тоже убежишь, да? – я подёргала её за уши. – Не уйдёшь, Найдёна? Не убежишь, я точно знаю. Не то, что Гришка – предательница! Ушла без зазрения совести и нос не кажет.

Но собака не ответила, у неё не было выбора – в доме она никогда не жила, в морозы спала в холодной будке на прохудившемся от времени сыром пальто, да и цепь была слишком короткой, чтобы видеть другую, более сытую и уютную соседскую жизнь.

Гришка ушла, но обязанности свои не сложила – мышей в доме мы не видели, картошка оставалась целой. Видимо, чуя за собой вину, она работала на два дома, как бы благодаря нас за то время, когда была принята к нам котом, а затем и многолетней кошкой.

Лыжники – булыжники

В пятом классе по настоянию брата мне пришлось записаться в лыжную секцию при школе, хотя спортивная гимнастика привлекала гораздо больше.

– Нинка, гимнастикой заниматься надо не с двенадцати лет, а с пелёнок, – смеялся Олег. – И где бы мы тебе в тайге гимнастику нашли?

Это была правда. Большой спорт, о котором я так мечтала, в глухом посёлке был недоступен. Олег тоже грезил спортом и в городе записался в секцию бокса. Часто с тренировок он приезжал с разбитым носом или с огромным синяком под глазом.

– Нинка, спорт воспитывает человека, – размышлял Олег, прикладывая мокрое полотенце к разбитому носу, – делает его выносливым и закалённым. Видишь, я уже выносливым становлюсь. Зимой на первые соревнования поедем.

– Поедешь, поедешь, – тихо говорила я, – если окончательно нос не доломают....

– Я, может быть, мастером спорта хочу стать, – с этими словами он запрокинул голову назад. – Мама, у нас есть что-нибудь холодненькое? Болит очень...

С того времени, приезжая с учёбы, я ставила портфель дома, обедала, и через сорок минут возвращалась в школу на лыжную секцию. Школьный тренер, Юрий Иванович, вы-

строив нас перед лыжной базой в ряд, весело приветствовал:

– Ну что, пехота, все в сборе? Сейчас лёгкая пробежка пять километров по лесу, затем разминка и силовые упражнения. Всем понятно?

Мы толпой бежали по лесной просеке, поднимаясь на освещённую осенними лучами поляну, останавливались, тяжело дыша, делали разминку, отжимались и бежали дальше. На вечернем автобусе я возвращалась домой, делала уроки и без сил валилась в кровать. Утром всё повторялось: школьный автобус, уроки, обед, тренировка, снова автобус, ужин, постель. Через год я нажимала пальцем на живот и чувствовала, что он становится твёрдым. «Это пресс», – думала я. Твёрдыми становились и мышцы на ногах: напрягая икру или бедро, я видела приятные изгибы своего тела, всё время тыкала в них пальцем и удивлялась: «Надо же, какие красивые у человека могут быть мышцы». К зиме я получила старенькую пару деревянных лыж, ботинки и дюралевые палочки. Я довольно сносно бегала на лыжах, выигрывая соревнования среди ребят из секции, а в классе мои результаты радовали нашего физрука, Сергея Афонасьевича.

– Ну, Моськина, молоток! – радостно восклицал «Афоня». – Снова первая прибежала!

Мне этот факт очень нравился, и уже через год я стала выступать на городских соревнованиях, защищая честь школы. Грамоты складывались одна на другую – для меня это была самая высокая награда.

– Ну что, чайники, – обращался к нам Юрий Иванович. – Сегодня силовая тренировка: качаем пресс, отжимаемся, приседаем.

И, взяв секундомер, добавил:

– Начинаем с бойцов!

Отжималась я больше всех ребят, сто раз. Руки дрожали, лицо краснело, как помидор, на сотый раз я упала животом на траву.

– Всё, Юрий Иванович. Не могу...

– Ладно, на первый раз хватит. Теперь пресс.

Я легла спиной на разложенную шерстяную олимпийку, Наташка села мне на кеды, я завела руки за голову, и тренер начал считать:

– Один, два... Тридцать, тридцать один... Восемьдесят девять, девяносто... Сто семьдесят три... Двести двадцать пять...

– Не могу больше! – закричала я и откинула руки в стороны.

– Хорошо, – сказал довольный тренер. – Вставай, Моськина. Но можешь больше.

В другой раз мы бежали кросс на скорость. Перед началом контрольной тренировки тренер объявил:

– Ребята, у нас появились две пары почти новых пластиковых лыж. Я долго думал, кому их отдать? И решил, что получит их сегодня тот, кто первым пробежит кросс. Думаю, это справедливо.

Бегать я терпеть не могла, ноги не слушались меня, и лыжи оставались несбыточной мечтой... Мысленно я всех обгоняла, на деле же плелась самая последняя.

– Моськина, ускорься! – орал Юрий Иванович. – Чего ты плетёшься, как курица полудохлая?

Мне его крики никак не помогали. Дыхание сбивалось, ноги обмякали, плечи дрожали, я последняя пересекала финишную черту и без сил свалилась в густую траву.

– Так, – подводил итоги тренер, глядя в мою сторону. – Почти все, за исключением некоторых, показали неплохие результаты. Сегодня первыми пришли Марина Яковлева и Саша Зиновьев. Молодцы! Они-то и получают обновку.

Он вынес из-за стены две пары лёгких пластиковых лыж.

– Юрий Иваныч, – после кросса, подойдя к нему, спросила я, – я ведь отлично бегаю на лыжах, почему мне они не достались?

Тренер посмотрел на меня хитрыми глазами и ответил своей коронной фразой:

– Молодо выглядишь, Моськина. Подрости сначала.

И я росла.

Какое жаркое лето стоит на Алтае! Солнце печёт даже сквозь кроны деревьев, между которых мы по лесной просеке бежим на летних школьных сборах. Соль проступает у самой переносицы, жутко хочется пить, во рту пересыхает так, что язык прилипает к нёбу.

– Так, чайники, а теперь то же самое, только с лыжными

палками!

Мы, кучка измождённых подростков в спортивных трусах и майках, отталкиваясь лыжными палками, забегаем на самый верх крутого склона, затем медленно спускаемся и снова забегаем. В висках бешено стучит кровь, майка прилипает к горячей спине, и только мысль, что это скоро наконец закончится, успокаивает нас.

– Ну, что, пехота? Смотрю на вас – сердце радуется! К спортивному лагерю готовы?

– Готовы... – безрадостно ответили мы.

– Тогда пакуйте чемоданы, и через два дня жду вас у школы, в девять тридцать автобус. Лагерь «Солнечный» готов нас принять на вторую смену. Мы ещё покажем с вами, кто такие лыжники девятой школы!

– Лыжники-булыжники... – послышалось из толпы, и мы весело рассмеялись.

Спортивный лагерь

Большой комфортабельный автобус выехал из города и повёз нас по широкому Чуйскому тракту в сторону пионерского лагеря «Солнечный», расположенного в сосновом лесу недалеко от шумной бирюзовой Катунь. Эта удивительно красивая река, как дорогой алмаз, по всему течению ограна горными голубыми вершинами. Беря свои истоки у самой Белухи, течёт госпожа Катунь до самого Бийска, сливаясь с красавицей Бией.

Выйдя из автобуса, мы потащили свои тяжёлые чемоданы через входные ворота лагеря вдоль огромного бассейна и танцевальной площадки.

– Ребята, наш отряд четвёртый, всем понятно? – громко кричал Юрий Иванович. – Размещаемся, и строевым шагом в столовую! После обеда я расскажу вам о наших планах на смену.

Мы вереницей пошли по узкой тропинке к месту нашего временного проживания. Длинный корпус располагался в самом отдалённом от центра месте окнами в лес и состоял из просторной веранды и двух светлых комнат по пятнадцать коек в каждой. Наспех разложив вещи на стульях и развесив платья на кроватных спинках, мы понеслись на обед. Настроение было взволнованное. Сколько красивых девчонок в ярких платьях и сарафанах, мальчишек в шортах и футболках!

А сколько взрослых ребят! Оказалось, что в соседнем корпусе слева проживали спортсмены-баскетболисты, а в корпусе справа – гимнасты. Их, конечно, было несложно отличить: баскетболисты были выше всех остальных ребят, а гимнасты постоянно тренировались на брусьях, делая перевороты и сальто.

– Значит так, – объявил в первый день Юрий Иванович, – расписание дня такое: подъём, пробежка, зарядка, завтрак, тренировка, обед, тихий час, полдник, тренировка, ужин, свободное время.

– А после ужина тренировки не будет? – тихо спросили Ирка и хихикнула.

– После ужина хотите? Будет вам и после ужина. А кто не заснёт, тот и ночью приседать будет.

Так началась наша мучительная спортивная смена в «Солнечном». Ранним тёплым утром мы, сонные и вялые дети, едва перебирая ногами, выходили на пробежку по холодной росе. После зарядки уже в бодром настроении переобували мокрые кеды и гурьбой шли на завтрак.

– Ну чего, пехотинцы, где ваши улыбки? – весело спросил тренер перед тренировкой. – Почему я не вижу радости в глазах? Вперёд и с песней! Увижу, что филоните или круги срезаете, – научу приседать и отжиматься!

Мы бежали по узким лесным тропкам, вопреки угрозам тренера останавливаясь в колючих малиновых зарослях, наспех срывали по несколько горячих сладких ягод, утоляли

ими жажду и снова бежали долгие изнуряющие километры. Мошкара прилипала к мокрым щекам, тело горело от солнца, а голые колени щипало от острой травы, по которой мы со скоростью проносились к финишу. Каким блаженством была для нас прохладная вода бассейна, в которую мы прыгали после таких тренировок! Она обнимала нас, снимая усталость и охлаждая ожоги, радовала миллионами блестящих осколков солнца, отражая их на своей зеркальной поверхности. Мы выпрыгивали из неё бодрыми, весёлыми и голодными, будто не было тех тяжёлых часов бесконечных мучений.

– Ура! – кричали девчонки, – сегодня танцы!

Девочки распустили длинные волосы: Людка свою чёрную как смоль копну сбоку собрала заколкой, Ирка сахарной водой смочила кудрявые пряди, и они кольцами легли на плечи. Я всегда завидовала длинноволосым девчонкам, потому что мне косы было никак не отрастить.

– Нина, тебе волосы не стоит отращивать. Они у тебя такие непослушные, торчат во все стороны, – уверяла мама, – лучше покороче их подстригать будем. Так и мыть, и расчёсывать проще, да и мешать не будут. Ты же спортсменка, а зачем спортсменам волосы? Только лишние неудобства.

Подружки достали свои лучшие вечерние наряды и стали примерять их перед зеркалом. Мне доставать было нечего, кроме жёлтого льняного сарафана, голубых трико и белых индийских брюк брата, которые тот мне передал по наследству. Брюки были мне чуть маловаты, к тому же окрасились,

когда я их постирала вместе с красной футболкой. Я со скрипом натянула штанины, едва застегнув на животе пуговицу, посмотрелась в зеркало и впервые в жизни решила худеть. Правда, не знала, как.

– Как похудеть? – переспросила Людка. – Надо не есть на полдник хлеб с повидлом. А ты по три куска проглатываешь не жуя, тут только потолстеть можно.

Я с ней была полностью согласна, но уж очень вкусным был белый тёплый хлебушек с маслом и толстым слоем яблочного повидла.

– И ещё больше двигаться надо! – добавила подружка. – Правда, мы за день так надвигаемся, что сил танцевать уже нет. Давай, натягивай живее свои брюки, танцы давно начались!

Мы пулей бежали к летней эстраде, прыгали и скакали под громкие звуки магнитофона, а после возвращались в корпус мокрые, уставшие и снова голодные.

– Девчонки! У кого есть что-нибудь перекусить? – спросила Наташка после отбоя, когда тренер прошёлся по комнатам и выключил свет.

– У меня есть хлеб, – прошептала Ленка.

– У меня печенье с полдника осталось, – донеслось откуда-то из угла.

– Давайте к нам на кровать перелезайте, пир устроим! Жалко, запить нечем.

– Я могу за водичкой сходить, – предложила я.

– Как сходить? Там же всё закрыто.

– Я в форточку вылезу, наберу воды и снова вернусь.

– Здорово ты, Нинок, придумала! – воскликнула Маринка. – Только тихо иди, чтобы тебя вожатые не заметили.

Я аккуратно вылезла из спальни наружу, по холодной росе осторожно пробежала к умывальникам, набрала воды и вернулась к окну.

– Ку-ку, а вот и я! – весело крикнула я в окно.

– Видим, что ты. Залетай, кукушка, – послышался голос Юрия Ивановича. – Мы очень рады.

Я кое-как залезла через форточку в комнату и встала перед ним.

– Я за водичкой ходила, пить сильно хотелось...

– Конечно, за водичкой, никто не сомневается! – Юрий Иванович, сложив руки за спиной, прошёлся между кроватями. – Сто отжиманий, упор леж! Начинай, а мы хором считать будем.

После наказания тренер снова выключил свет и вышел.

– Вот гад, – возмущалась Маринка. – Только ты вылезла, как он появился, смотрит – а твоя кровать-то пустая!

Я ничего не ответила. Руки дрожали, во рту пересохло, и есть уже совсем не хотелось. Хлеб, вода и печенье так и остались нетронутыми. Больше за водичкой я не выходила.

– Доброе утро, бойцы! – приветствовал нас Юрий Иванович на утреннем построении. – По многочисленным просьбам тренировки для некоторых особо одарённых ребят про-

ходят и ночью. Да, Моськина?

Я покраснела.

– Ладно, на первый раз прощаю. Но знайте, если вы не спите, значит, не устаёте. Если не устаёте, значит, нагрузку следует увеличить. Так ведь? А теперь напра-во! Бегом марш!

Мы бежали мимо корпусов к воротам, оттуда по просеке до асфальтной дороги, ведущей в город, разворачивались и неслись обратно в лагерь. После завтрака тренировка была на лыжероллерах, на которых мы имитировали бег на лыжах. Тяжёлые, с большими колёсами, мы бежали на них по асфальту то на крутой подъём, то катились с горы вниз. Скорость – вот главное в гонках! Ты летишь вниз, словно на автомобиле, чуть сгибая колени и заводя палки назад. Ветер сухими струями обдувает горячее тело, деревья мелькают перед глазами одно за другим; ты несёшься вперёд, стараясь не терять скорость, и твоей временной целью становишься впереди бегущий лыжник. Оп! И ты уже впереди него; мысленно ликуя от достигнутого результата, пронесишься мимо тренера, который с восторгом наблюдает за твоими движениями.

– Молодец, Моськина! Это заявка на пластик! – кричал он вслед.

Его радость воодушевляла, откуда-то появлялись силы, становилось легче дышать, и я на скорости пронесилась на второй круг.

– Тренировка закончена! Все в лагерь! – наш тренер спокойно шёл с нами, шутя и смеясь. – Так и быть, завтра вместо второй тренировки на Катунь пойдём! Уж очень день жаркий обещают.

– Спасибо, Юрий Иванович, – мы от радости чуть не запрыгнули ему на шею. – Вы самый человечный тренер на земле!
– Пользуйтесь, пока я добрый! – смеялся он в ответ.

На следующий день после полдника, наспех собрав все необходимые вещи, радуясь и запевая спортивную песню, мы зашагали на реку. Подойдя к обрывистому берегу, увидели необычного, зелёно-бирюзового цвета воду и песчаные берега, тянущиеся далеко за речным изгибом.

– Красота-то какая, – с особой нежностью в голосе произнёс Юрий Иванович, – только кажется мне, что купаться здесь мы навряд ли сможем...

– Это почему же? – спросили мы.

– Вода ледяная, вот почему, – ответил тот. – Почти такая же, как в нашем лагерном бассейне. Где-то плюс тринадцать. А вот позагорать и ножки помочить – это мы сможем. Ну что, пехотинцы, раздеваемся?

Мы дружно скинули кеды, шорты и майки и по очереди стали заходить в речку. Действительно, особой теплотой Катунь нас не встретила. Это с виду она казалась тёплой, на самом деле окунуться в неё удалось далеко не каждому.

– Ребята, там подальше разлив от реки идёт, в нём вода по теплее. Может, в следующий раз туда пойдём? – предложил

тренер. – Сегодня здесь попечёмся, а в другой день до разлива рванём. Это километра на два подальше будет.

– Давайте сегодня, а?

– Нет, ребята, сегодня здесь отвалиемся. Нам ещё до ужина в лагерь успеть надо.

Юрий Иванович стал рассказывать о Катунь, а мы, зарываясь всем телом в горячий песок, слушали его повествование.

– Суровая Катунь, ребята. Дно коварное, всё усеянное огромными валунами. Эти валуны и создают по всему течению пороги, по которым сплавляются туристы на катамаранах. Шумная река, разговорчивая. День и ночь рассказывает она свои истории, только улавливай, только слушай её. Если, ребята, прийти на Катунь рано утром, перед рассветом, еле увидишь её. Туман белым покрывалом застилает всю реку. Бережёт, значит.

Рассказчик помолчал немного, покашлял и продолжил:

– А дышится как! Вы вдохните полной грудью и почувствуете, что воздух здесь наполнен влагой, запахом хвои и тишиной. Это в городе суeta и шум, здесь же тихо, как в заповеднике. Ветер, и тот бережёт Катунь, не досаждаёт своим завыванием. Посмотрите на сосны – ни одна веточка не шелохнется. С утра на траве и на деревьях переливается роса, которую потом подсушит ласковое солнышко.

– Да! – мечтательно добавила я. – Можно так сказать: роса переливается, словно горный хрусталь!

Юрий Иванович вдруг замолк.

– Ещё расскажите, – взмолились мы, – уж очень складно у вас получается!

– Рассказать? – хрипло рассмеялся тренер. – Так рассказывать всю жизнь можно. Я ведь родился здесь, на Катунь, в Быстрянке. Слышали о такой? Сызмальства в речке купался, рыбачил, бывало даже друзей хоронил... Всему причиной эта река была, ребята. Хотите, я вам легенду про неё расскажу? Вот эта легенда:

«Когда-то давно жил великий и могущественный хан, и звали его Алтай. Был он очень богат, но самым главным его богатством была единственная дочь Катунг – девушка необыкновенной красоты. Отец в ней души не чаял. Конечно, он понимал, что рано или поздно придётся ему с ней расстаться, но не хотел с этим смириться, поэтому скрывал дочь от посторонних глаз и спрятал ее высоко в алтайских горах. Жилище девушки было прекрасно: стенами его служили высокие скалы, а под ноги был брошен ковер из заповедных цветов, кандыков и огоньков – но к нему не было дорог, и зеленоглазая красавица жила в нём очень одиноко, разговаривая только с птицами и ветром, слушая их песни о жизни и о любви. Многие поклонники добивались её руки, но все они были отвергнуты суровым и бессердечным отцом. Ни один из них не казался ему достойным её руки. Но сердце девушки пленил только один – пастух по имени Бий, пасший на равнине отары овец. Хоть и был он беден,

у него были сильные руки, прекрасная душа и благородное сердце. Но он жил так далеко... Сердечко Катынг тосковало и рвалось к нему, вслед за мечтами... А восточный ветер приносил весточки о любви юноши к ней, птицы щебетали о счастье с любимым, падающий с неба дождь робко трогал плечи и волосы. По вечерам выходила девушка на край скалы и долго смотрела на синие вершины гор, покрытые белым сверкающим льдом.

И вот Катынг решила на побег. В момент, когда её отец уснул, она осторожно выбралась из юрты, смело спрыгнула со скал и помчалась на север – туда, куда звало её любящее сердце. Проснувшись, отец не обнаружил беглянки, и кинул клич своим самым сильным и ловким воинам, пообещав им награду за то, чтобы они вернули ему дочь. Нет, они не смогли её догнать: она прыгала серебристыми ручейками по камням, рассыпалась изумрудными россыпями в скалах, запутывала следы. Все более сильными и свободными становились её бирюзовые струи... А её возлюбленный Бий спешил ей навстречу. Не догнали богатыри красавицу Катынг, которая встретила с Бием, и побежали они дальше уже вместе, слившись в одно целое и превратившись в великую сибирскую реку – Обь. С тех пор они неразлучны. Обь – сильная и свободная река, которая величаво и спокойно несет свои воды по равнине...»

Мы молчали, представляя красавицу Катунь и её любимого Бия. То были наши реки, слияние которых происходило

сразу за городом.

К вечеру, обессиленные от изнуряющей июльской жары, мы шли тихо в лагерь, каждый думая о своём...

Гимнаст

На первой же дискотеке я заметила мальчика. Он был одним из гимнастов, хорошо сложен, загорелый, с причёской паж и небесно-голубыми глазами.

– Людка, посмотри на них, – косила я в сторону ребят. – Вон тот, волосатый, в спортивном костюме!

– Они все волосатые и в костюмах, – ответила Людка, рассматривая каждого из них.

– Да не смотри ты так, заметно же! – одёрнула я подругу.

– А чего мне бояться? Может, я влюбилась! – Людка громко рассмеялась.

Мальчишки обернулись в нашу сторону. Конечно, не обратить внимания на неё было нельзя – кареглазая красавица с чёрными блестящими волосами до пояса, в белом сарафане и белых сандалиях, рядом со мной она смотрелась королевой.

– Нинка, давай танцевать! – тряхнув своими локонами, позвала Людка, и начала весело дёргаться под песню Арабески.

Я робко переступала с ноги на ногу и всё разглядывала мальчика, который вместе с другими ребятами танцевал на летней площадке.

Теперь я каждый день с волнением ждала дискотеку. В столовой я то и дело рассматривала толпу ребят в на-

дежде его увидеть. Я старалась громче всех смеяться, топтать, прыгать под музыку, чтобы на меня обратили внимание, но из этого ничего не получалось. Людке я рассказывала о своих переживаниях, и та, недолго думая, разработала знакомства.

– Не переживай, Нинка, что-нибудь придумаем. Я тебе обещаю, что сделаю всё, чтобы ты с подружилась с этим мальчиком.

Легко ей было рассуждать! За ней бегали почти все мальчишки из нашего отряда, да и другим ребятам она нравилась не меньше. На дискотеке её всегда приглашали на медленный танец, Людка нехотя соглашалась, складывала красивые тонкие руки на плечи партнёру, и они медленно перекачивались из стороны в сторону. Я же всегда с грустью стояла у стенки, заведя руки за спину и рассматривая танцующие пары.

По утрам, проносясь на тренировку мимо гимнастического корпуса, мы с Людкой бежали как можно ближе к нему, стараясь рассмотреть каждого из спортсменов. Те то и дело висели на турнике, делали перевороты или сальто на брусьях.

– Как обезьяны, – смеялась подруга, – им бы ещё бананы дать! Вот умора! Интересно им так целый день висеть? То ли дело мы. И бегаем, и прыгаем, и плаваем.

– Так, пехота, – сказал как-то вечером Юрий Иванович, – завтра долгожданный выходной. После завтрака сно-

ва пойдём купаться на Катунь. Ну что, ребята, вы довольны? Не слышу криков радости!

– Ура! – закричали мы и уже с вечера стали складывать купальники и полотенца в мешки.

У меня был новенький полосатый раздельный купальник, мама купила его перед самым лагерем.

– Девочки, ну как я вам? – хвасталась я перед подружками и рассматривала себя в большое зеркало на стене. – Завтра в нём и пойду купаться. Правда, Людочка?

– Что-то в этом купальнике ты мне зебру напоминаешь, – смеялась та, – только слегка откормленную!

На следующий день мы всем отрядом выстроились перед корпусом и с весёлыми разговорами направились к реке.

– Давай снова поближе к их корпусу пройдем, – предложила я, – может, тот мальчик увидит меня в купальнике и влюбится!

Мы шли последней парой и около гимнастов чуть приотстали от отряда. Свернув правее по тропинке, скоро очутились совсем рядом с их корпусом. Спортсмены как всегда занимались упражнениями: выполняли подьёмы, перевороты, горизонтальные упоры, перелёты с одной жерди на другую. Мы остановились, с восторгом наблюдая за красотой их движений, но через минуту опомнились и быстро зашагали мимо них. Неожиданно внизу что-то треснуло, и мои трусы стали сползать вниз. Я с ужасом схватилась за резинку и поняла, что резинки больше нет.

– Людка! Резинка лопнула! – в ужасе заорала я.

Ребята повернулись в нашу сторону и дружно засмеялись.

– Полотенцем обматывайся живее, а то вовсе слетят! –

скомандовала та и вытащила полотенце из мешка.

– Сама обмотай! Видишь, я трусы держу! – я чуть не пла-

кала от досады.

В неудобном длинном полотенце, в сланцах мы пулей пронесли мимо ребят.

– И вздумалось же нам рядом пройти! Ещё и обсмеяли, – сокрушалась Людка. – Да не ной ты! Сама виновата – в купальнике ей, видите ли, захотелось продефилировать! Чуть с голой задницей не осталась!

В единственный выходной купаться мне не пришлось, я просидела на берегу Катуня в полотенце, выстраивая песчаные башни и ругая себя за беспечность. Ребята же плескались в реке и грелись на горячем песке. Весь день я думала про оказию в надежде, что все о ней забудут. Вечером Людка заявила:

– Сегодня познакомимся. Сама лично подойду к ним и спрошу, как твоего мальчика звать.

После танцев Людка смелым шагом подошла к гимнастам, а я в страхе спряталась за сцену.

– Эй, мальчик! – поманила его пальчиком подружка. – Подойди-ка сюда!

– Я? – удивился мой избранник.

– Ты, ты! Тебя как зовут?

– Максим. А тебя?

– Не важно. С тобой хочет одна девочка познакомиться, её Нинка звать.

И, обернувшись в мою сторону, крикнула:

– Нинка! Выходи!

Я робко выглянула из-за эстрады. Максим кивнул головой, повернулся и пошёл с ребятами в другую сторону.

– Всё, теперь вы знакомы! – обрадовалась Людка. – Вот увидишь, он ещё сам за тобой бегать будет.

Прошла неделя с момента заезда в лагерь, но Максим, вопреки предположению Людки, так и не начал за мной бегать. Однажды старший пионервожатый лагеря объявил:

– Ребята! Через два дня мы хотим провести конкурс патриотической песни. Выступать будут все отряды, в том числе и спортивные. У вас есть время подготовиться к конкурсу, и большая возможность показать себя ещё и как талантливых певцов. Победители будут награждены!

Мы долго обсуждали, какую же песню выбрать на наше выступление. Мальчишки сразу отказались петь, заявив, что они сюда приехали не горло рвать, а готовиться к зимним соревнованиям. Вся ответственность за конкурс легла на наши плечи. Девчонки перебирали одну песню за другой, но ничего из этого не выходило.

– Я знаю одну песню! – вдруг вспомнила я. – Но она никому не известна, наверное. И я запела:

*Я речь свою веду о том,
Что вся земля наш общий дом,
Наш добрый дом, просторный дом,
Мы все с рожденья в нём живем.
Ещё о том веду я речь,
Что этот дом хотят поджечь,
Хотят, чтоб к нам пришла беда,
И жизнь исчезла навсегда.*

Припев я уже орала:

*Земля не спит, и каждый день
Глядит в глаза своих детей.
Тебе и мне глядит в глаза,
И нам с тобой молчать нельзя.*

– Здорово, Нинка! – закричали все хором. – Вот ты и будешь петь.

– Как – я? Может, с кем-нибудь вместе споём?

– Нет, обязательно ты! Мы попросим баяниста, чтобы он подыграл, и ты споёшь за весь четвёртый отряд.

– Нинка, это шанс, понимаешь? – убеждала меня Людка. – Он точно тебя заметит, я гарантирую!

Настал вечер перед выступлением. Я мысленно напевала свою песню и всё думала, как пройдёт конкурс. Мне очень хотелось выделиться, чтобы Максим всё-таки обратил на меня внимание. Я долго перебирала свой скудный гардероб и решила на выступление пойти в голубых трико, белой фут-

болке и спортивных туфлях на каблуках, чтобы казаться чуть выше.

Начался конкурс. Я сидела в корпусе в ожидании своего выступления. Людка то и дело прибегала и кричала громко: – Нинка! Седьмой отряд выступает! Готовься!

Я молча сидела на кровати. Сердце стучало от волнения. Снова большая сцена, надо спеть без помарки, не забыть ни одного слова. Помазав губы гигиенической помадой, стала натягивать туфли.

– Нинка! Выходи же скорее! Уже пятый выступает! Нинка! Ты где там застряла?

– Да иду я, иду! – крикнула я, открыв дверь веранды.

В секунду какая-то мошка залетела мне в глаз. Я заморгала и побежала к умывальникам. Ледяной водой промыла воспалённое веко, но легче не становилось. Я забежала в корпус, посмотрела в зеркало и ужаснулась: глаз моментально начал заплывать, веки покраснели и почти сомкнулись. От безысходности я заревела. Помадой стала мазать место укуса, прикладывать ватку с одеколоном, но от этого становилось только больнее.

«Будь, что будет», – подумала я и понеслась к эстраде.

– Выступает четвёртый отряд с песней «Земля – наш дом»! – объявил старший вожатый.

Я медленно поднялась по ступенькам на сцену. Такого ужаса я не испытывала за всю свою жизнь. Сердце выпрыгнуло из футболки, во рту пересохло, я сильно сжала кулаки

и одним глазом я окинула всю площадку. Огромная толпа зрителей, сидя на скамейках, уставилась на меня.

– Баян, пожалуйста! – громко сказала я.

– Какой баян? Вы заявлены без аккомпанеента! – ответил ведущий конкурса.

– Как – без аккомпанеента? Я с баянистом петь буду...

– Нинка! Пой так! – закричали ребята нашего отряда, – тебе не нужен баянист!

Я растерянно стояла посередине сцены. Вдруг кто-то крикнул:

– Моськина, а что у тебя с глазом?

По скамейкам пронёсся лёгкий смех.

Но я уже плохо слышала и затянула во всё горло:

*Я речь свою веду о том,
Что вся земля наш общий дом...*

На припеве все зрители хлопали в ладоши, стараясь меня поддержать. Когда я закончила песню, все стоя аплодировали и громко смеялись. Я бегом слетела со ступеней сцены и со всех ног понеслась в корпус. Забежав, упала на кровать и заплакала от досады. Конечно, меня заметили, но влюбиться в некрасивую коротко стриженную девочку, в трико, да ещё и с опухшим глазом было просто невозможно.

– Ну Моськина, ну молодчина! – восхищались подружки, обсуждая конкурс. – Мы бы так всем отрядом не смогли! Да

ещё и без баяна. Юрий Иванович тебе даже «Браво!» кричал!

– Ладно вам смеяться, сами бы попробовали! – защищали ребята.

– А мы не смеёмся вовсе! Если Нинка и вправду хорошо выступила. Даже с одним глазом...

Мне было всё равно. Ни о какой дружбе я уже не мечтала, такой позор пережить, казалось, я не смогу. «Вот так позор – на всю оставшуюся жизнь... Скорее бы закончился этот дурацкий лагерь, – думала я, всхлипывая, – скорее бы все забыли обо мне и об этом конкурсе. Вечно лезу на рожон со своими показательными выступлениями!»

Все оставшиеся дни смены я больше не показывалась своему избраннику, лишь искоса наблюдая за ним и прячась за ребят. Как и прошлые смены, закончилась и эта. Прошла наша первая спортивная лагерная смена, с длинными изматывающими тренировками и вечерними дискотеками, с влюблённостью и разочарованием. То неудачное выступление уроком мне так и не стало. Я пела, исполняла юмористические номера, танцевала ещё много-много раз. Спустя годы, могу с уверенностью сказать, что тот скромный гимнаст просто проворонил своё счастье в лице певицы, спортсменки, активистки Нинки Моськиной. Что ж, в этой жизни везёт далеко не всем!

Соревнования

Шло время, мы тренировались, бегали на лыжах десятки километров, закаляя молодой организм и делая его сильным и выносливым. Мне выдали новые деревянные лыжи «Темп» – современные, узкие и лёгкие. Я не могла на них наглядеться – и пусть это ещё не пластиковые лыжи, но по сравнению со старыми они были просто королевскими! Настало время показать себя на краевых соревнованиях, и в начале декабря тренер объявил:

– Значит так: в Камень-на-Оби едут Нина Моськина, Марина Яковлева, Ира Гришина, Саша Зиновьев и Лена Попова. Есть вопросы?

Вопросов к тренеру у нас быть не могло. Это была огромная радость и ответственность – выступить за честь любимого города!

– Мама, мы в поезде поедem, – я заматывала лыжи спортивными вещами и сверху натягивала узкий серый чехол. – Представляешь, целую ночь ехать будем!

– Смотри, Нина, ничего не потеряй. По списку проверь, всё ли ты взяла, – мама принесла листок бумаги и ручку. – Столбиком пиши и потом проверяй, чтобы ничего не потерять, как в прошлый раз.

– Ладно, не потеряю... – не любила я эти мамины советы по поводу вещей. – Я в прошлый раз не потеряла, я уже тебе

сто раз говорила, олимпийку у меня украли...

– Конечно! – сразу завелась мама. – Ни у кого не воруют, у одной тебя только украли! Почти новая олимпийка была – шерстяная, от костюма. Ни одной дырочки ещё. С таким трудом ведь покупала, носить и носить бы... Нет же – потеряла! Теперь только штаны и остались.

– Всё, мам, мне пора. – Я застегнула белую спортивную сумку, надела драповое коричневое пальто в клетку, кроличью шапку, бурки, перекинула сумку через плечо, обхватила тяжёлый раздутый чехол с вещами и лыжами, чмокнула маму в щёку и вышла из дома.

Через час автобус привёз меня на железнодорожный вокзал – одноэтажное старое длинное здание с неудобными полупустыми залами, холодными сиденьями и большим блёклым табло.

– Ну что, чайники, все в сборе? – Юрий Иванович посмотрел на каждого из нас. – Тогда идём к вагонам! Наш третий вагон, места в самом начале.

Поезд тронулся. Я вспомнила, как когда-то давно, восемь лет назад, такой же поезд привёз нас на далёкую станцию Сибирскую городка Бийска; какое всё здесь было чужое и незнакомое. Я тогда была ещё совсем маленькой пятилетней девчонкой, ничего не понимающая в трудностях и испытаниях. Теперь же совсем другое дело – мне тринадцать. Я учусь, работаю, занимаюсь спортом; я понимаю, что такое радость побед и слёзы поражений, я бита жизнью и родны-

ми людьми. Я закалённый кремень. Только почему-то очень часто хочется плакать...

– Нинка! На, простынь натягивай, – вдруг услышала я голос Маринки, – ты наверх полезешь. Чай будем пить?

– Ага, у тебя есть печенье? – я достала из сумки два куска чёрного хлеба, намазанных маслом и сложенных друг на друга. – Сейчас сахар достану.

Ребята стали подтягиваться в наше купе, расселись по лежакам, разложили на столе угощения: кто пирожки с повидлом, кто пряники, кто варёные яйца – получился настоящий праздничный дорожный стол! Мы до самой темноты сидели, пили чай, рассказывали разные «лыжные» истории: кто-то про Семинский перевал – одно из красивейших мест Горного Алтая, где чистейший воздух и живописный кедровый лес, и что именно там тренируются лучшие лыжные сборные Советского Союза; кто-то рассказывал про чудесное пресноводное озеро Ая, расположенное в горной котловине Катунь – что в следующем сентябре мы, возможно, поедем туда на осенние сборы. Нам было о чём говорить – нас объединяло очень многое – спорт, юность и Алтай!

Поздно ночью мы разбрелись по своим местам. Я залезла наверх и, подложив ладони под подбородок, смотрела на ночные мелькания снежных необъятных алтайских полей, берёзовых рощ, сосновых белых лесов и думала. Как хорошо думается в дороге! Мысли неслись в голове так же быстро, как менялись тёмные пейзажи за холодным окном. «Всё хо-

рошо. Мы должны отлично выступить. Не сбилось бы дыхание. Не было бы на дистанции затяжных подъёмов и сильно крутых спусков, которых я боюсь больше всего». Я вспомнила одни соревнования, на которых многие наши девчонки просто сошли с дистанции из-за крутого опасного спуска, который к тому же посередине был ещё и с резким поворотом. Я тогда сильно испугалась – съехать с такой горы для меня было страшным испытанием. Мальчишки – и те не все преодолели дистанцию, не говоря уже о нас. Я подбежала к спуску и остановилась. Нельзя терять ни секунды! Быстро села на попу и на глазах у болельщиков сползла вниз, как когда-то в далёком детстве, катаясь на рваных картонных клочках от коробок с деревенского склона. Время было потеряно, но я добежала до финиша. «Эх, как хочется победить... Вот тогда бы мною гордились мама с братом, да что там, вся школа гордилась бы мной... А Сергей Афанасьевич вывел бы меня перед всеми ребятами на середину физкультурного зала и сказал бы важно: „Полюбуйтесь, вот наша Нинка – чемпионка! Мы все должны на неё равняться! Молоток!“» С этими сладкими мыслями я и уснула.

Морозным утром мы вышли на вокзале города Камень-на-Оби, автобус привёз нашу команду в гостиницу; весь день мы размещались, обедали, гуляли по окрестностям, подходили к широкой снежной Оби и смотрели на её красоту и просторы.

– Ну, и где же тот камень, из-за которого так город назва-

ли? – смеялась Маринка. – Может, мы на нём и стоим?

– Нет, что ни говори, а наш Бийск намного красивее и лучше, – сказал Сашка. – У нас центр города старинный – с куполами! А стадион какой, а парк, а Успенский Собор, а кинотеатры! Здесь же некрасиво как-то, неудобно – никогда сюда не перееду!

– Да тебя здесь никто и не ждёт! – смеялись девчонки. – Соревнования пройдут, и через два дня покатаем дружно домой.

Всю ночь у меня в животе что-то урчало от страха. Сна не было, я ворочалась с бока на бок и всё думала о завтрашней гонке.

Морозное январское утро. Мы стоим на старте. Я – в поло-сатой спортивной шапочке, сползающей без конца на глаза, в синей шерстяной олимпийке и тёплых шароварах и с выглядывающими из чёрных ботинок вязаными носками. Рядом на старте – стройные спортсменки из других городов Алтайского края в чёрных лыжных комбинезонах с повязанными поверх нагрудными номерами. Какие они красивые! Как же страшно...

– Эй, пехота! – Кричит нам Юрий Иванович, сжимая в ладони секундомер. – Давай-давай-давай! В горку поднажми! Голень выбрасывай! Толкайся резче! Следи за дыханием! Обходи её! Молодец!

Мы бежим. «Где же второе дыхание? – спрашиваю я у своего внутреннего голоса, – почему так невыносимо тяжело?

Не могу больше! Задыхаюсь...» Ноги дрожат, икры сводит от напряжения, я забегаю по пологому подъёму наверх и, поджав палки и присев, скатываюсь с зыжжяного спуска вниз. Отдыхаю...

– Оп! – слышу голос соперника позади меня и неохотно уступаю лыжню. Меня обходит спортсменка в лыжном блестящем комбинезоне и шапочке с меховым помпоном.

«Пятнадцатый номер. Я тринадцатый. Попробую держаться за ней...» Но через минуту она скрывается из виду. «Победить я хочу! Тут бы не опозориться! Нинка – лыжница-булыжница... Худеть надо, коровушка!» – думаю я и, наконец, без сил финиширую, падая прямо за красной лентой...

– Ну что, чайники, снова опозорили мои седины! Пробежали так себе, – подводил вечером итоги наш тренер. – Моськина шестнадцатая, Гришина десятая, Попова двадцатая, Яковлева молодец – пятая. Зиновьев – про Зиновьева вообще молчу. Завтра бежим эстафету и сразу после обеда – в поезд. Надеюсь, что эстафету хоть отработаете на все сто?

– Отработаем, Юрий Иванович, – кивали мы головами, – если Зиновьев за девчонок выступать будет!

Сашка смущённо засмеялся, проводя ладонью по кудрявым чёрным волосам.

– Я вас для чего на краевые соревнования привёз? – рассердился тренер. – Чтобы вы мою седую голову опозорили? Всё, расходимся отдыхать и завтра снова в бой!

Юрий Иванович всегда напоминал про свои седины и про то, как мы его каждыми соревнованиями позорим, хотя в его тридцать семь лет в русых волнистых волосах не было ни одного седого волоса. Но присказка про седину была.

И снова всю ночь не спалось, внутри урчало от страха и волнения. Какие тяжёлые были те ночи перед соревнованиями!

Мы неслись по бесконечной лыжне этап за этапом, смахивая от ветра слёзы и сморкаясь на бегу в белоснежные сугробы, тяжело дыша на подъёмах и переводя дыхание на спусках. Мы обгоняли соперников и провожали безнадежным взглядом лидеров... Как помогали нам поддерживающие крики наших товарищей!

– Нинка, давай! Вставай на левую лыжню! Догоняй! Обгоняй! Быстрее поворачивай!

– Ну, что, лыжники-булыжники? – уныло сказал тренер. – Четвёртые – это, конечно, не восьмые. Но и не третьи. Барнаульцев, понятно, не догнать, сильная команда. Но Рубцовск-то? Почему они третьи? Не дожали, не доработали. Одним словом – пехотинцы... Ладно, всё равно молодцы. Есть над чем работать. Живо обедать и через час собираемся в холле.

Поздно вечером поезд остановился на Бийском железнодорожном вокзале. На круглых уличных часах показывало местное время – двадцать три часа. Я растерянно посмотрела на часы и поняла, что сегодня до дома мне уже не добраться.

– Ну что, ребята, по домам? – весело попрощался с нами Юрий Иванович. – Завтра выходной, во вторник жду всех на тренировке!

Я молчала. Всей гурьбой мы зашагали на автобусную остановку.

– Девочки, а какой-нибудь автобус едет в Заречье? – растерянно спросила я.

– Не знаем, мы на трамвае доедем, тут недалеко.

– А-а, я тогда тоже на трамвае, с вами...

Ледяной полупустой трамвай довёз нас до центра города, ребята вышли и, шумно переговариваясь между собой, скрылись в темноте. Я осталась совсем одна. Вдалеке горел одинокий тусклый фонарь, освещавший остановку перед мостом. Я обхватила руками тяжёлый чехол с лыжами, поправила ремень от сумки на плече и пошла к фонарю. На тёмной автобусной остановке было безлюдно. Действительно, кому придёт в голову в двенадцатом часу ночи стоять на морозе в ожидании автобуса, которые завершают свои рейсы в десять? Куда идти? Никого из знакомых, кто бы жил в центре города, я не знала. Я оглянулась и посмотрела в освещённые окна пятиэтажного дома. Кое-где ещё горел свет. «Сидят люди дома, пьют чай, смотрят телевизор и не знают, что под их окнами стою я, Нинка Моськина, и мне сегодня, может, так и придётся стоять на остановке. До утра... В шесть часов поедет первый рейсовый автобус, который и заберёт моё чуть живое оледеневшее тело...» Я смотрела во все ок-

на в надежде на чудо. Вдруг из-за поворота две яркие фары осветили дорогу, и я увидела приближающийся автобус. Третий маршрут! Двери со скрипом открылись и я, закинув лыжи, зашла в салон. Ура! Светло, правда, так же холодно, как и на улице. Зато не страшно. Несколько пассажиров сидели на холодных сиденьях, изо рта выдыхая тёплый пар.

– Извините, – обратилась я к водителю, – автобус до конечной остановки идёт?

– Это дежурный автобус, идёт до льнокомбината, – буркнула пожилая пассажирка в облезлой шапке из песка и зелёном пальто. – Водитель сказал – без остановок...

– Мне и надо – без остановок! – уже весело согласилась я. – А там я как-нибудь доберусь... недалеко там до дома...

Хотя до дома было ещё очень далеко.

На конечной остановке на самой окраине ночного города я стояла под одним-единственным фонарём. Ждать уже было нечего. Ни автобусов, ни машин, ни людей, ни даже света в окнах не было видно. Только я и фонарь. «Я могу пойти к одноклассникам, конечно, – судорожно думала я. – Я позвоню к ним в квартиру и попрошусь переночевать. Если родители проснутся, то наверняка меня не выгонят, пустят. Могу... Но я очень хочу домой... К маме... я хочу в свой маленький холодный домик из лиственницы, хочу переодеть шаровары, свитер, носки и залезть к маме под ватное одеяло, прижаться к ней и уснуть, забыв про холодный безлюдный ночной город и страх». С этими мыслями я шагнула из освещённого

щённого круга в темноту... Сначала я шла мимо многоэтажек, мимо своей родной девятой школы, заглядывая в её темные безлюдные окна. Никогда прежде я не видела свою школу ночью. Сегодня это было впервые. Тихо. Только изредка где-то вдалеке раздавался звук двигателя от какой-то машины и плавно стихал. Я шла быстрым шагом мимо последних домов, и через несколько минут тусклые огни микрорайона оказались далеко позади. Впереди была крошечная тьма. Так страшно мне ещё никогда не было. Вдалеке на зимней дороге заблестели яркие фары грузовика. Я резко прыгнула за обочину и присела. Грузовик промчался мимо меня и скрылся за поворотом. «Ух, не заметил...» – в висках стучала кровь, во рту пересохло, я вылезла из-за обочины и пошла дальше посередине дороги. В лесочке около дома престарелых несколько лет назад цыгане установили памятник старому цыгану, перевернувшемуся на тракторе именно в этом фатальном месте, мимо которого я сейчас и проходила. Я посмотрела на темные очертания памятника, моё тело от ужаса стало свинцовым, и я зажмурилась. «Ничего страшного, это просто постамент, здесь никто не похоронен...» Через минуту памятник остался позади. Вдруг из-за ночного облака выглянула круглая жёлтая луна; словно небесный светильник, она осветила весь пустынный путь. Стало так светло – луна отражалась на ледяной дороге, по которой я, скользя подошвами бурок и едва не падая, шла домой. Неожиданно для себя, я открыла рот и тихо, почти шёпотом, запела:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.